

В.А.Дергачев

ДВА ЭТЮДА В ЗАЩИТУ МИГРАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ **К проблеме взаимодействия раннескотоводческих и древнеземледельческих** **обществ энеолита – ранней бронзы Восточной и Юго-Восточной Европы**

«Не единожды в жизни меня поражала резкая перемена в том, что можно было бы назвать общественным мнением... Люди внезапно начинают сплошь и рядом исповедовать новую веру... Наконец, диву даешься, как... претендующие на оригинальную философию, принимают толковать об "истинно историческом моменте". При этом присутствуешь при постепенной мутации мышления».

Эжен Ионеско. Из размышлений

V.A. Dergachev. Two Studies in Defence of Migration Concept.

The recent years have seen a marked trend to fully reject M. Gimbutas' concept of migration of early stockbreeding societies from the south-eastern Europe to the West, the concept that used to be accepted by majority of specialists. The article is the author's response to this recent trend.

It questions adequacy of methods of analysis and interpretation of archaeological records. The author advocates strict observance of rigid research procedures.

To prove M. Gimbutas' perspectives, following the declared principles the author proposes an analysis of four relatively independent categories of records, connected with development of Precucuteni-Cucuteni-Tripolje culture (development of settlement, fortified settlements, toponymy of settlements and arrowheads).

A chronological and space analysis of these qualities lead the author to conclude that M. Gimbutas was right in that the bearers of this cultural society did suffer a catastrophe at the stage of Cucuteni A – Tripolje B1, and that this catastrophic impact was definitely connected with migration of stockbreeders from the east.

Введение в ситуацию

«Но чтобы получить ответ должен же я был задать себе вопрос. Вопрос. Как можно получить ответ, если не задан вопрос...»

Эжен Ионеско. «Бред вдвоем».

Еще каких-нибудь 10-15 лет назад казалось, что мнения специалистов, по крайней мере, по нескольким из принципиальных вопросов взаимодействия степных скотоводов Восточной Европы с древнеземледельческими цивилизациями энеолита — ранней бронзы Карпато-Подунавья и Балкан вполне устоялись. В данном случае речь идет, главным образом, об основных этапах и оценке характера и последствий проникновения степных скотоводов во внутренние районы ареала древнеземледельческих цивилизаций.

Напомню, что вопрос о неоднократном последовательном проникновении восточноевропейских скотоводов в среду древнеземледельческих цивилизаций «Старой Европы» впервые наиболее полно был сформулирован еще во второй половине 50-х годов уходящего столе-

тия М.Гимбутас (1956; 1961). В последующих десятилетиях первоначальная концепция М.Гимбутас неоднократно модифицировалась, но на протяжении 70-х годов (1973a,b; 1977; 1979) и вплоть до последних своих работ (1994) эта исследовательница последовательно и настойчиво отстаивала идею о трехкратности отмеченного процесса — концепция трех волн.

Согласно М.Гимбутас, все эти волны выступают как составляющие элементы единого, последовательно разворачивающегося во времени и пространстве процесса. Исходное звено этого процесса автор видела в носителях курганного обряда — памятниках типа Бережневки, которые генетически связывались с Хвалынской и предшествующей последней Самарской культурами Лесостепного Поволжья.

На протяжении 4400-4300 гг. до н.э. носите-

ли Бережневских памятников из волжско-прикаспийских степей распространяются на юг — в Предкавказье и на запад — в Нижнее Поднепровье, предопределяя формирование ряда промежуточных культурных образований (Средний Стог II), которые, или вместе с которыми, затем глубоко вклиниваются в ареал древнеземледельческих цивилизаций. Согласно М.Гимбутас, эта первая миграционная волна имела характер массового военного вторжения с катастрофическими последствиями для раннеземледельческих цивилизаций, сопровождаясь, с одной стороны, полным разрушением культуры Гумельница-Караново VI-Варна, а с другой — существенными преобразованиями культуры Кукутьень-Триполье, продолжившей, однако, свое дальнейшее развитие (Gimbutas 1994: 21 и след.).

Вторая волна, по М.Гимбутас (1973а; 1994, 49 и след.), приходится на период 3500-3300 гг. до н.э. Носителями этого процесса также выступают пастушеские племена с курганным обрядом погребения, но акцент здесь определенно делается на активность кавказского импульса: Куро-Аракскую культуру Закавказья и культуру Майкоп Северного Кавказа. Следствием разворачивания этой волны, по М.Гимбутас, было распространение в южной и западной Европе технологии мышьяковистых бронз (Gimbutas 1973b); формирование культуры типа Нижней Михайловки, а в ареале древнеземледельческих культур — полным переоформлением остаточных культурных явлений с традициями раннего земледелия и образованием комплексов типа Усатово, и далее — культуры Езеро и Баден-Вучедольского блока.

Наконец, третья волна — 3100-2900 гг. до н.э. связывается с носителями позднеямной культуры, массовая миграция которых сопровождается окончательным переоформлением Карпато-Подунавья и Балкан, содействует формированию культур воронковидных сосудов и культуры шаровидных амфор и тем самым завершается многовековой процесс индоевропеизации обществ Европейского континента (Gimbutas 1994: 89 и след.).

Известно, что отношение разнопрофильных специалистов к концепциям М.Гимбутас было различным — от крайне положительного до крайне отрицательного. Но бесспорным остается одно: благодаря оригинальности, многолетнему и плодотворному творчеству и, что показательно, последовательности в убеждениях, взгляды этого автора на протяжении почти полувека буквально довлели над каждым из специалистов-преисториков, обратившихся к рассматриваемой тематике, вынуждая их гласно или негласно определить собственную научную позицию по каждому из обозначенных, а точнее говоря, по заданным М.Гимбутас параметрам исследования; соотнести, сопоставить, соизмерить собственные оценки и интерпретации с

мнением М.Гимбутас. Анализ научного творчества М.Гимбутас, убежден, — дело будущего. Моя же задача в данном случае иная.

Отчасти в силу отмеченных обстоятельств, т.е. влияния взглядов М.Гимбутас и, вне сомнения, как результат самостоятельного осмысления огромного, постепенно накапливавшегося фонда источников, на протяжении 70-х и вплоть до конца 80-х годов среди ведущих специалистов как степного скотоводческого ареала, так и специалистов ареала раннеземледельческих цивилизаций Карпато-Подунавья и Балкан, определенно прослеживается единогласие по двум изначально заданным М.Гимбутас параметрам или мигрирующим на запад волнам скотоводческого населения.

С наименьшими дебатами и одной из первых была воспринята идея о миграционной волне носителей позднеямной культуры (третья волна, по М.Гимбутас). Оно и понятно. Сотни курганов, тысячи погребений, идентичных по всем основным показателям степным комплексам Восточной Европы, открытые и исследованные на самой периферии древнеземледельческого ареала — в Северо-Западном Причерноморье (Шмаглий, Черняков 1970), чуть позже и на территории Молдавии (Дергачев 1986), а также непосредственно во внутренних районах самого раннеземледельческого ареала — на территории Румынии,¹ Болгарии (Панайотов 1989), Венгрии (Kalicz 1968; Ecsedy 1979) и Югославии (Brukner, Jovanović, Tasić 1974: 175 и след.), делали этот процесс абсолютно очевидным. С другой стороны, столь же очевидным выступал и характер катастрофического последствия этого процесса. Ибо простое картографирование и хронологическое противопоставление археологических комплексов воочию демонстрировало, что с распространением степных курганных погребений комплексы предшествующих им земледельческих культур полностью прекращают свое развитие.

Фактически полностью были проигнорированы идеи М.Гимбутас относительно второй миграционной волны, связанной с влияниями кавказского импульса. Хотя, если абстрагироваться от лингвистических построений этого автора и рассматривать эту проблему лишь с уровня приводимых ею археологических реалий, эти идеи вполне подтверждаются, по крайней мере, для территории Украины, исследованиями А.Л.Нечитайло (1991). Эти и другие обстоятельства дают мне основание полагать, что весьма продуктивная идея М.Гимбутас о роли кавказского фактора в культурном развитии Юго-Восточной Европы просто не была востребована.

¹ К сожалению, применительно к территории Румынии проблема степных курганных культур так и не получила сколько-нибудь полного монографического освещения. Отчасти она отражена в устаревшей статье Зирра В. (1960). Из новых региональных исследований можно указать на работу: Ciugudean 1996.

Несколько иначе сложилось отношение специалистов-преисториков к идее о первой, по М.Гимбутас, волне скотоводческого населения, мигрирующего на юг и запад. Начиная с 60-х и вплоть до конца 80-х годов, эта идея постепенно была воспринята подавляющим большинством ведущих специалистов по проблемам и ранне-неолитическим, и раннеземледельческим культурам. В весьма сдержанных оценках идея о ранней миграционной волне скотоводов непременно присутствует во всех основных работах Н.Я.Мерперта (1965; 1974; 1980; 1982; 1984 и др.). Прямолинейно, в стиле М.Гимбутас, она фигурирует в работах В.Н.Даниленко (Даниленко, Шмагль 1972; Даниленко 1974: 85 и след.). С некоторым запаздыванием, если не ошибаюсь, эта идея была полностью воспринята и Н.Я.Телегиным (1990: 10 и след.; 1993: 17 и след.).

Об инфильтрации или проникновении степных скотоводов, носителей культуры Средний Стог II или памятников Новоданиловского типа, в ареал Трипольской культуры и далее на юг, в Подунавье и на Балканы, в разные годы и в разных формах писало большинство специалистов по древнеземледельческим культурам Украины и Молдовы (Мовша, Чеботаренко 1969; Мовша 1981: 71 и след.; 1993: 39 и след.; Массон, Черныш 1982: 204; Збеневич 1973; Сорокин 1993: 86-87; Субботин 1983 и след.). Эта идея непременно присутствует во всех основных обобщающих работах по преистории Румынии (Pippidi, Berciu 1965: 51-55; Dumitrescu, Balomey, Mogoşanu 1983: 116 и след.; 127 и след.; Dumitrescu, Vulpe 1988: 39-40; Comşa 1987: 156; Petrescu-Dîmboviţa, Daicoviciu и др. 1995: 53,56-57) и Балкан (Тодорова 1979: 70-71; 1986: 221-227; Garašanin 1971; 1974; Tasič 1989: 29-33; 1995. 43 и след.) и многих, многих иных.

Не могу не отметить, что к этой идее на определенном этапе приобщился и автор этих строк (Дергачев 1986: 65-74; Дергачев, Сорокин 1986).

Между тем, следует обратить внимание, что с источниковедческой точки зрения эта первая миграционная волна скотоводческого населения проступала не столь очевидно, как третья, ранее упомянутая. Если последняя хорошо документировалась сотнями, тысячами степных комплексов, относительно равномерно или отдельными компактными группами зафиксированными во всем древнеземледельческом ареале от Южного Буга до Карпат и далее до Центральных Балкан, Баната и Потисья, то неолитические погребальные комплексы вплоть до 90-х годов (да и сейчас, если не считать Северо-Западное Причерноморье) были и остаются единичными. Причем все они разбросаны на сотни километров один от другого (Кэйнар — Центральная Молдова; Касимча, Суворово — устье Дуная; Деча Мурешулуй — Центральная Трансильвания; Чонград — низовья Тисы). Одни

специалисты, в частности, по культуре Кукутень-Триполье, видели этот процесс в появлении или, точнее, во внедрении в культуру Кукутень А-Триполье V1 керамики с примесью ракушки. Но определение культурных истоков ракушечной керамики неоднократно корректировалось и продолжает дискутироваться. В аргументации этой миграционной волны немалую роль сыграл ряд специфических категорий находок, как-то: зооморфные скипетры в виде лошадиных голов; крестовидные булавы мариупольского типа; своеобразные подвески с ушком, интерпретируемые В.Н.Даниленко как псалии; дисковидные украшения из раковин *Unio* и другие. Но при этом, скажем, скипетры в большинстве своем представляют случайные находки или находки без четко зафиксированного археологического контекста. Более того, как ныне хорошо известно, многие из перечисленных изделий имеют чрезвычайно широкий ареал распространения и встречаются от Среднего Поволжья и Кавказа до Центральных Балкан и верховьев Тисы.

Все это вместе взятое делало идею о первой волне мигрирующего на юг и запад скотоводческого населения весьма уязвимой для критики. И критика эта казалась вполне убедительной (Häusler 1981; 1982).

К сожалению, случилось так, что даже перечисленные выше и иные, упомянутые во многих работах, категории источников или отдельных типов изделий, «работающих» на рассматриваемую проблему, так и не были подвергнуты надлежащему единому исследованию с соответствующим анализом каждой и всех вместе взятых. Еще во второй половине 80-х годов в связи с разрабатывавшейся тогда темой контактности Карпато-Поднестровья автором было обнаружено, что процесс проникновения скотоводческих племен в среду древнеземледельческих неолитических обществ «надежно документируется тремя самостоятельными и, что принципиально важно, взаимокоррелирующими разновидностями источников», с конкретными расшифровками некоторых из моментов этого заключения. Однако в силу различных причин именно эта часть диссертационной работы (Дергачев 1989: 250) долгое время оставалась неопубликованной. Обнародованные же в сжатом виде спустя десять лет, где опять-таки курсивом повторяется вышеприведенная цитата (Дергачев 1999: 192)², разработки и аргументы автора не могли возыметь своевременный эффект. Момент был упущен. А сам материал, лишь отчасти обновленный, явно страдает мно-

² В сокращенном без ведома автора виде, с многими пропусками и неточностями в переводе, эта статья была также опубликована в томе, подготовленном под редакцией Hänsel В. и Machik Ja. под названием «Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe», изданном в серии Südosteuropa-Schriften. В.20. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. В.12. München-Rahden/Westf. 1998. 27-64.

гими анахронизмами.

Иными словами, если обратиться к литературе периода 80-х — начала 90-х годов, вполне отчетливо обнаруживается своеобразная ситуация, когда все исследователи, излагая идею о проникновении степных скотоводов в среду раннеземледельческих цивилизаций и катастрофических или кардинальных культурно-исторических последствиях этого процесса, исходят как бы из окончательно и бесспорно установленного факта, апеллируя к одним и тем же разрозненным единичным погребениям, комплексам или разнофункциональным типам изделий. Отсутствие сколько-нибудь новых, значимых подтверждений и аргументации столь масштабного по времени и пространственному охвату культурно-исторического процесса, мне представляется, невольно привело к своеобразному психологическому эффекту. Все сказано, все обсуждено, но вместе с тем все шатко, противоречиво и ничего нового не скажешь. Самым простым и вполне логичным выходом из этой неопределенности могло быть одно: объявить ставшую уже традиционной (читай — набившей оскомину) идею о роли восточноевропейских скотоводческих племен в культурном переоформлении Южной и Западной Европы несостоятельной, ошибочной и предложить свое оригинальное, хотя бы в силу новизны, объяснение. Что, собственно, и произошло на протяжении 90-х гг.

В подтверждение сказанному, думаю, достаточно сослаться на работы А. Хойслера (Häusler 1994; 1996) и Я. Маккай (Mackay 1994), хотя таких работ, особенно на Западе, ныне много. Однако для меня в данном случае гораздо важнее работы двух авторов, представляющих восточноевропейскую археологию, т.е., выступающих как бы из исходного эпицентра событий и взявших на себя смелость разработать — с их точки зрения — фактологическую базу этого нового антимиграционного направления. Речь идет о работах Ю.Я.Рассамакина и И.В.-Манзуры.

Взгляды Ю.Я.Рассамакина хорошо известны, благодаря объемной публикации, реализованной во втором номере журнала *Baltic-Pontic Studies* (1994) и в соответствующих разделах «Древней истории Украины» (Рассамакин 1997). Но в наиболее полном, практически монографическом, объеме взгляды этого автора изложены в коллективной монографии, изданной в Кембридже (Rassamakin 1999). Во всех этих работах Ю.Я.Рассамакин выступает резким противником миграционной теории, объясняя взаи-

мострачаемость тех или иных материалов скотоводческих культур в среде раннеземледельческих обществ и, наоборот, как естественный процесс культурно-исторического взаимодействия, основанный на взаимовыгодном обмене и торговле (Rassamakin 1994: 29 и след.; 1999: 69, 100 и след. 112, 154; Рассамакин 1997: 277 и след.). Сходную позицию по обоим оговоренным вопросам демонстрирует в своих последних работах и И.В. Манзура (Levičkii, Manzura, Demcenko 1996: 77 и след.; Manzura 1999: 102 и след.; 145 и след.), хотя еще каких-нибудь шесть-семь лет назад этот автор придерживался традиционных взглядов (Manzura 1993; Bogataja, Manzura 1994; Manzura, Sava 1994 и др.).³

Я не собираюсь подвергать работы этих авторов критическому анализу.⁴ Причиной тому два обстоятельства. Во-первых, ни один из этих авторов ни в одной из своих работ не анализировал проблему культурного соотношения и взаимодействия энеолитических раннескотоводческих и раннеземледельческих культур. Они критиковали других авторов, рассуждали и высказывали свои мнения по поводу этой проблемы, но сама проблема не стала предметом специального исследования. А это немного разные вещи. Второе обстоятельство. Как хорошо известно каждому исследователю и на западе, и на востоке, критика ничем, кроме испорченных личных отношений, не заканчивается. Крайне редки случаи, когда критика стимулировала продуктивные дискуссии, а сама по себе — так сказать, в чистом виде, — никогда не сопровождалась новыми позитивными результатами. Именно поэтому мне предпочтительнее перевести рассуждения в несколько иную плоскость и обратиться к вопросу об археологической процедуре.

³ Ссылаясь на последние работы И.В.Манзуры, опубликованные самостоятельно или в соавторстве с иными коллегами, не могу не предупредить читателя, что они, по сути, представляют рефлексии или свободное изложение ряда несвоевременно обнародованных мною разработок по контактности Карпато-Поднестровья (о чем сказано выше). В отдельных случаях они включают конспективное изложение ранее опубликованных мною материалов (Дергачев 1980; 1986). Из этих работ целиком или с незначительными переработками заимствован, также без надлежащей оговорки, ряд системных, подчеркиваю — системных иллюстраций.

⁴ Свое мнение по поводу последней из работ Ю.Я.Рассамакина я уже высказывал официально (Dergachev 1999: 64). Могу лишь добавить, что изложенная в этой работе оценка в равной степени касается и работ И.В.Манзуры.

О процедуре археологического исследования

«Спросим себя, ответ зависит от вопроса или вопрос зависит от ответа. Это то другой вопрос, нет, тот же самый»

Эжен Ионеско. «Бред вдвоем».

Одной из отличительных особенностей археологии послевоенных десятилетий было, казалось бы ныне, с уровня конца столетия, невероятное, перманентное, порой взрывоподобное, наращивание фонда археологических источников, обеспечивавшего и, вместе с тем, стимулировавшего интенсивные дискуссии и позитивные разработки по всем разделам пре- и протоистории, античного и средневекового периодов. Но ни для кого из специалистов не секрет, что одновременно и параллельно с полевыми исследованиями, исследованиями по осмыслению культурно-исторических явлений прошлого и на западе (начиная еще с 40-х годов), и на востоке — в рамках бывшего Советского Союза (преимущественно с 60-х годов) с не меньшей интенсивностью и остротой обсуждались и разрабатывались вопросы самих теоретических основ археологической науки: ее гносеологические возможности; методология и методы конкретного археологического исследования, разнообразные аспекты сугубо процедурного характера и т.д. (См.: Клейн 1993: 48-54). Различным было отношение археологов-практиков к теоретическим разработкам горстки лидирующих специалистов. Вспомним для примера хотя бы реакцию на «Аналитическую археологию» Д.Кларка и вообще на работы представителей «новой археологии». Но очевидным остается одно. Привлечение и внедрение в археологию принципа структурализма, а затем и системного или системно-функционального анализа, влияния и взаимодействия многих из методов естественнонаучных дисциплин, так или иначе, сопровождалось постепенной выработкой целого ассортимента методико-методологических рекомендаций и касательно возможностей и условий применения объективных методов и приемов анализа археологических источников, и касательно основных этапов и последовательности реализации любого археологического исследования на предмет раскрытия тех или иных культурно-исторических явлений и процессов прошлого. Подтверждением сказанному могут служить коллективная монография И.С.Каменецкого, Б.И.Маршака и Я.А.Шера (1975), книги Л.С.Клейна (1978/1995; 1991), а на западе — книга-учебник К.Ренфрю и П.Бан (Renfrew, Bahn 1993) и другие. Но что примечательно, эти рекомендации не остались незамеченными, ибо на протяжении 70-х — начала 90-х годов и на западе, и на востоке появляется целая серия обстоятельных классификационных, систематизационных или интерпретационных исследований по самым различным проблемам археоло-

гии и древней истории (Бунятян 1985; Щукин 1994; Hansen 1991; 1994; Parzinger 1994; Kristiansen 1998) и многие-многие другие.

Следует, однако, отметить, что непосредственно интересующая нас тема — процедура археологического исследования, судя по краткому перечню (пять наименований) статей, приведенного под соответствующей рубрикой в книге Л.С.Клейна (1995: 287), довольно редко рассматривалась в специальных работах. Но в этом случае нельзя не учитывать, что, по крайней мере, на взгляд автора, эта тема вбирает в себя все основные требования и принципы, предъявляемые ко всем составляющим и в целом к археологической систематике (Бочкарев 1975; Клейн 1975; 1995: 274). И к главным из требований я бы отнес следующие:

1 — четкая формулировка задачи исследования;

2 — отбор источников, адекватно соответствующих поставленной задаче (их внешняя и внутренняя критика);

3 — анализ (классификация, картографирование и пр.) источников методами, адекватными сформулированной задаче;

4 — выявление общих тенденций или закономерностей поведения анализируемых источников (систематизация — выстраивание серии);

5 — интерпретация полученных результатов: культурная, историческая, социологическая и пр. (в соответствии со сформулированной задачей).

Что же касается принципов выполнения этих требований, то я бы назвал один главный — обязательное, жесткое, строго последовательное прохождение этапов исследования, не допускающее их подмену или смещение, от сформулированной задачи до ее объяснения.

С учетом изложенного, за неимением готовой формулы, я бы предложил следующее определение. **Археологическая процедура** — это система нормативных, обязательных, иерархически взаимосвязанных, строго последовательно выполняемых этапов исследования, ориентированных на решение конкретно поставленной задачи сугубо археологического или культурно-исторического свойства.

Главной отличительной особенностью этой жесткой процедуры является то, что корректное выполнение ее требований и условий как бы выступает гарантом аргументированности полученных выводов. Ибо последние, по сути, логически, с необходимостью, вытекают из объяснений выявленных объективных закономерно-

стей соотношения разнокачественных археологических реалий.

Между тем, несмотря на очевидные преимущества, многие из археологов определенно избегают этой жесткой процедуры, предпочитая ей нечто среднее между стилем французских анналистов и тоже французских, но — романистов. Я бы назвал это повествовательным стилем исследования.

Не могу заподозрить этих авторов в незнании методики. За истекшие десятилетия в археологии разработан буквально неисчерпаемый арсенал методов и приемов анализа археологических источников. Возможно, некоторых из этих археологов-практиков отпугивают сами условия — жесткость процедуры, психологически как бы сковывающие свободу изложения, мысли, да и всего творчества. Куда проще повествовательное исследование: полная свобода, никаких ограничений.

Правда, исследование, проведенное по жестким правилам, неизбежно связывается еще с одним условием, а именно — колоссальный по объему, изнурительный труд, зачастую не самого приятного, технического свойства. Ведь формулировка всего лишь одной из задач на уровне хотя бы одной из культур или одной из ее подструктур уже автоматически предполагает полный или почти полный охват всех памятников этой культуры. А многие из культур или их субструктур, как известно, включают сотни, а часто тысячи памятников. А последние, в свою очередь, объединяют сотни комплексов с тысячами единиц разнофункциональных категорий материалов. И вы еще должны их очистить (внешняя критика), отобрать после длительных процедур именно те из них, которые работают на поставленную вами задачу (внутренняя критика). Затем их еще следует типологизировать, анализировать, скоррелировать... и, в конце концов, интерпретировать. И все это еще надо оформить в виде рукописи, с обязательным привлечением фонда источников (чтобы каждый читатель мог вас проверить), описанием всего хода исследования, подготовкой и оформлением соответствующих таблиц и иллюстраций, аргументирующих все ваши выкладки. Вот и получается — год работы, а все ради 15-20 страниц аргументированного объяснения сформулированной вами задачи.

Иное дело повествовательное исследование. Автор может свободно сослаться на тот или иной, как бы подтверждающий его мысль, материал; тут же может проводить словесное сопоставление этих материалов (читай: анализ) и тут же одновременно высказывает свою оценку — «интерпретацию». И все это в сопровождении серии иллюстраций, наиболее репрезентативных, эффектных (все ведь не включишь) конкретных материалов, в сочетании с не менее эффектными рисунками или схемами, якобы отражающими структурные связи материалов.

Все это легко пишется, легко оформляется и в результате — объемная, обстоятельная на вид статья или монография, но каков научный эффект?

И еще одно различие этих подходов. При жесткой процедуре автор, сформулировав задачу, далее уже следует за материалом. Последний буквально ведет автора, вынуждая его постоянно возвращаться к исходным данным, корректировать свои возникающие по ходу исследования впечатления и ассоциации. И, в конечном счете, он формирует вывод, который ему навязывает закономерность поведения самих материалов. И именно поэтому вывод этого автора всегда будет более реалистичным, более объективным.

Иное дело повествовательный стиль исследования, когда автор, следуя какому-то априори возникшему впечатлению, постепенно и незаметно как бы подтягивает, навязывает, подминает под свои впечатления легко поддающиеся этому материалы. Как это происходит, знает каждый из нас: оговаривая недостаточность источников, сложность ситуации, одно умалчивается, другое (нужное) выпячивается и т.д. и т.п. Но именно поэтому конечные результаты подобной стилистики носят в себе субъективистический отпечаток.

Сталкиваясь с подобной работой, читатель постоянно вынужден обращаться то к одной, то к другой из указанных автором работ, дабы удостовериться в точном соответствии материала или мысли; читатель должен постоянно самостоятельно додумываться до причинно-следственных связей, приведших автора работы к тому или иному выводу или высказыванию; и, в конечном счете, читатель оказывается просто перед дилеммой: принять — не принять, поверить — не поверить? Ибо есть рассуждения, есть впечатления, есть мнение автора, но, в то же время нет надлежащей аргументации и — не убеждает. А не убеждает, поскольку сам автор не уверен в своих выводах.

Да простит меня читатель, но чтобы не выглядеть голословным, ситуация обязывает привести тому доказательства. Пожалуйста, два примера. Первый — из работ автора «новой модели» развития пастушеских обществ Северо-Причерноморских степей. На рисунке 1 представлены три схемы, опубликованные Ю.Я.Рассамакиным с незначительными интервалами — первая в 1993 г. (Рассамакин 1993: 28, Рис.15), вторая — в 1994 г. (Rassamakin 1994: 51, Fig.11) и третья — в 1999 г. (Rassamakin 1999: 73, Fig.3.5.). Эти схемы, согласно автору, отражают квинтэссенцию «новой модели» структурных и хронологических связей курганного обряда культур причерноморских степей. Но взгляните в эти схемы — они совершенно различны и по взаиморасположению обряда погребения, и, в особенности, по их хронологическим параметрам. Обращает, скажем, на себя внимание об-

ряд вытянутого положения в версии 1993 г. — он как бы лимитирован периодом Триполье B2-C2 (Рис.1, А); в версии 1994 г. этот же обряд экстраполируется на весь период энеолита и ранней бронзы (Рис.1, В), а в версии 1999 г. тот же обряд снова лимитируется периодом преимущественно Триполье B2/C1-C2 (Рис. 1, С). Вот и возникает вопрос, какую же из версий следует принять, какая из них хотя бы приближенно соответствует реальности. Ведь, скажем, в случае с вытянутым обрядом хронологические различия достигают полутысячи и более лет.

Разумеется, любой автор имеет право и даже обязан непрерывно корректировать свои взгляды и концепции. Но такие существенные корректировки возможны лишь в двух случаях. Во-первых, при резком возрастании общего фонда источников, и во-вторых, при новом более обширном и углубленном анализе известных и/или вновь накопленных материалов.

Соответственно в случае с работами Ю.Я.Рассамакина возникают два вопроса: изменилось ли за последние 6-7 лет, отделяющих первую и третью версии, что-то радикальное в объеме фонда источников по рассматриваемым культурам? Ответ один — нет. Приведены ли этим автором более широкие и углубленные аналитические исследования? Как будто бы нет, а если да, то почему не обнаружены в последней монографической работе. Вывод один. Различия в системных схемах, а соответственно и в концепции «новой модели» этого автора объясняются его неуверенностью в собственных убеждениях.

Подобной же неуверенностью отличается и другой представитель восточноевропейской археологии, И.В.Манзура, который еще в 1993-1994 гг. (Manzura 1993: 93-95; Manzura, Sava 1994: 146-147) явно еще воспринимал идею о проникновении степных скотоводов в ареал раннеземледельческих культур, но который уже в 1996-1999 гг. категорически высказывается против так называемой «степной инвазии» (Levički, Manzura, Demcenko 1996: 78; Manzura 1999: 102). И опять-таки мы вправе задать этому автору два вопроса: изменилось ли за эти шесть лет что-то существенное в объеме материалов по культурам скотоводческих и, добавим, раннеземледельческих культур Восточной Европы и Карпато-Подунавья? Ответ один — нет. Провел ли И.В.Манзура сколько-нибудь углубленный анализ этих материалов на предмет верификации идеи степной инвазии? Ответ тот же — нет.⁵ Но, тогда где же, коллега И.В.Ман-

зура, грань между «scholarly tradition», в которой Вы с такой легкостью упрекаете несколько поколений предшествующих Вам специалистов, и обещанным Вами «real research approach» (Manzura 1999: 102)?

Думаю, сказанного достаточно. Ведь все изложенное в этом параграфе можно свести к одному-единственному предложению. Признание или неприятие идеи М.Гимбутас о первой миграционной волне скотоводов упирается не в недостаточность источников, а в неадекватность применяемых методов исследования.

И чтобы написанное не звучало голословной декларацией, осмелюсь предложить возможное решение этой проблемы с позиции жесткой процедуры, но необходимо предварительно сделать две маленькие оговорки.

1. Естественно, за короткий срок⁶ я не могу «поднять» эту проблему в целом. Она огромна, и в одиночку это мало кому под силу. Поэтому для начала я предлагаю всего лишь два этюда, включающих анализ трех-четырёх культурных параметров.

2. Исследование основано на материалах культуры Кукутень-Триполье, которая, если следовать приверженцам миграционной теории, в меньшей степени, нежели культура Гумельница-Караново VI-Варна, испытала на себе катастрофические последствия степной инвазии. Если это действительно было так, то из этого следует, что гипотетически предполагаемые в культуре Кукутень-Триполье следы отмеченных событий заведомо должны быть не столь яркими и выразительными, чем если бы мы подвергли анализу материалы культуры Гумельница-Караново VI-Варна. И все же...

(1996, 59-83). Вынужден предупредить читателя, что идея этого автора о бессарабском варианте культуры Чернавода I (См.: Manzura 1994: 95 и след.; 1999: 116 и след.) представляет собой просто голую фикцию, так как автор искусственно отторгает небольшую группу погребальных комплексов с вытянутыми костяками от единого культурного массива, свойственного степной и лесостепной зонам Восточной Европы от Нижнего Дуная до Дона (Телегин 1985) и далее до Предкавказья. На это обстоятельство справедливо обращает внимание и Ю.Я.Рассамакин (Rassamakin 1999: 114 и след.).

⁶ Этот материал готовился по просьбе С. Renfrew к симпозиуму «Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe» (Cambridge 12-16 January 2000), и в распоряжении автора имелось всего четыре месяца. Выполнение исследования было усложнено еще и тем, что на протяжении последних 10 лет автор занимался главным образом проблемой преисторического металла, но не энеолитическими культурами.

⁵ Возможно, И.В.Манзура полагает, что такой анализ изложен им в коллективной монографии, изданной в 1996 г. (Levički, Manzura, Demcenko 1996), где он на более чем 20 страницах рассматривает энеолитические погребения Суворовской группы и так называемого бессарабского варианта культуры Чернавода I

Этюд I. О «ГРАЖДАНСКОМ» СОСТОЯНИИ КУКУТЕНЬ-ТРИПОЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА

Задача исследования. Абстракции

Задача нашего исследования вытекает из вводной части работы. Она заключается в верификации состоятельности или несостоятельности идеи М.Гимбутас о степной инвазии, которую якобы испытали на себе носители культуры Кукутень-Триполье. Время этих событий как будто бы приходится на периоды Кукутень А-Триполье В1.

Примем эту идею за чисто рабочую гипотезу. Предположим, что М.Гимбутас права в том, что, действительно, где-то на протяжении периода Кукутень А-Триполье В1 носители этой культуры испытали на себе нашествие степных скотоводов, которое сопровождалось военными столкновениями, масштабными разрушениями и которое привело к кардинальным последующим изменениям в этой культуре, продолжавшей свое развитие.

Если это утверждение соответствует реальным историческим событиям, то из него следует, что эти масштабные катастрофические события не могли не отразиться в столь же масштабных пропорциях на самой материальной культуре этого общества в целом, и в особенно-

сти, в период предполагаемых событий (Кукутень А-Триполье В1) и/или в период, непосредственно следовавший за этими событиями (Кукутень АВ-Триполье В2). А если это действительно так, то, в свою очередь, можно предположить, что даже на самом обобщенном уровне анализа памятников трипольской культуры мы вправе ожидать наличия в памятниках периода Кукутень А-Триполье В1 и/или на переходе к периоду Кукутень АВ-Триполье В2 каких-то глобальных или, по крайней мере, весьма значимых неординарных культурных сдвигов — качественных изменений.

Это предположение — на самом обобщенном уровне — можно проверить путем анализа общего хода развития означенной культуры в целом или, иными словами, путем определения общей динамики пространственно-временного ее развития. Ибо, следуя изложенным соображениям, многовековое развитие этой культуры определенно должно обнаружить какие-то культурные сдвиги на этапе Кукутень А-Триполье В1 или на переходе к последующему периоду.

Динамика развития культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье

Для раскрытия динамики общего развития этой культуры автором привлечено 2017 памятников — поселений,⁷ которые по нашим расчетам составляют около 2/3 от всех ныне известных памятников этой культуры.⁸ Эта выборка вполне пропорционально представляет все периоды развития культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье и все зоны ее распространения от Верховьев Олта (Ариушд) до киевского левобережья Днепра. Иными словами, выборка вполне представляет культуру в целом и неминуемо должна включить в себя основные тенденции пространственно-временного ее развития со всеми ее катаклизмами. К сожалению, привести полный список этих памятников просто невозможно из-за большого объема. Перечень памятников и их хронологическое определение⁹ заимствовано

⁷ Могильники (грунтовые, курганные) свойственны лишь для финальных этапов Триполья и в данном случае не учитываются.

В случаях многослойных памятников каждый из культурных слоев принят за отдельный памятник.

⁸ Учитывая публикации последнего десятилетия, эти данные об общей численности памятников рассматриваемой культуры вполне согласуются с цифрой, названной нами почти 10 лет назад — 2500 и независимо определенной совершенно по другому поводу (Dergachev 1993: 101).

⁹ Выражаю искреннюю признательность коллеге

из следующих основных источников:

— для периода Прекукутень-Триполье А — работы: Маркевич 1973; Marinescu-Bîlci 1974; Збенович 1989 с незначительными дополнениями;

— для культуры Кукутень А, АВ, В территории Румынии — сводная работа: Monah, Cisoș 1985 с редкими дополнениями;

— для среднего Триполья Молдовы — работы: Маркевич 1973; Виноградова 1983; Sorokin 1997, со многими новыми дополнениями;

— для среднего Триполья Украины — работы: Виноградова 1983; Круц 1977; 1989; Круц, Рыжов 1997)¹⁰; Рыжов 1999; Гусев 1995; Колесников 1993; Гудкова и др. 1991; Sorokin 1997 и другие, менее значительные;

— для позднего Триполья — в целом — работа: Дергачев 1980 со многими дополнениями.

Рассмотрим временной аспект соотношения

В.Я.Сорокину, оказывавшему неоднократные консультации в хронологическом определении памятников среднего Триполья.

¹⁰ Считаю долгом выразить свою признательность С.М.Рыжову, предоставившему в мое распоряжение полную рукопись своей диссертации, в которой приводится один из наиболее полных списков (191 наименование) памятников среднего Триполья Буго-Днестровского междуречья.

Табл.1. Количественное распределение памятников культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье по периодам.

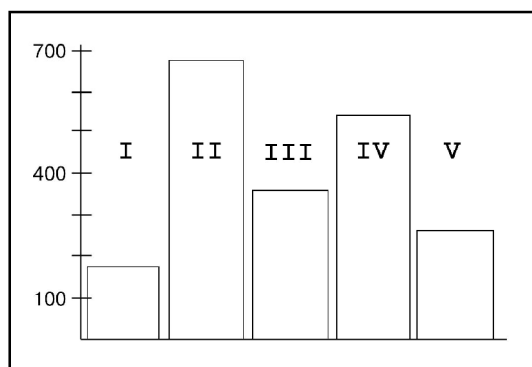
Периоды	Число памятников	В %	Временной интервал периода в столет. по хронологии Бурдо/Видейко	Среднее арифм.число памят-ков по столетиям согласно Бурдо/Видейко	Временной интервал периода в столет. по хронологии К.-М.Манту (Mantu 1998)	Среднее арифм.число памят-ков по столетиям согласно К.-М.Манту
1	2	3	4	5	6	7
Прекукутень-Триполье А	176	8,72	5	35,2	4,5	39,11
Кукутень А-Триполье В1	679	33,66	2	339,5	5,5	123,45
Кукутень АВ-Триполье В2	357	17,69	2 (+1)	178,5 (119)	3	119
Кукутень В-Триполье С1	547	27,11	4 (+1)	136,75 (109,4)	3,5	156,28
Хор/Фолтешть-Триполье С2	258	12,79	4,5	57,33	3,5	73,71
ВСЕГО	2017	100%				

этих памятников. Полные данные о количественном распределении памятников по разновременным периодам культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье представлены в Таблице 1. Как следует из нее, на период Прекукутень-Триполье А приходится 176 памятников или 8,72% от всей выборки; на период Кукутень А-Триполье В1 — 679 или 33,66%; на период Кукутень АВ-Триполье В2 — 357 или 17,69%; на период Кукутень В-Триполье С1 — 547 или 27,11% и на период Хородиштя-Фолтешть-Триполье С2 — 258 или 12,769%.

Итак, если следовать хронологической последовательности эволюции рассматриваемой культуры на основании численности ее памятников, совершенно очевидно обнаруживается, что ее максимальный пик развития падает на

период Кукутень А-Триполье В1 — 33,66% памятников, вслед за которым она определенно испытывает какие-то кризисные явления, обнаруживающиеся в резком, фактически двойном, уменьшении численности ее памятников в период Кукутень АВ-Триполье В2 — 17,69%. Затем, на этапе Кукутень В2-Триполье С1 эта культура демонстрирует прогрессирующее развитие, проявившееся в росте численности поселений — 27,11% с последующим постепенным угасанием на финальном периоде — 12,79%. Все как будто бы хорошо и наше предположение вроде бы подтверждается, ибо на этапе перехода от периода Кукутень А-Триполье В1 к периоду Кукутень АВ-Триполье В2 явно обнаруживаются какие-то существенные кризисные сдвиги (Граф. 1).

Но не будем спешить. Ибо здесь нужны некоторые коррективы. Дело в том, что периоды развития культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье имеют разную продолжительность, разные интервалы развития. Обратимся к тем специалистам, которые занимались уточнением абсолютной датировки этой культуры и ее отдельных периодов. Вот две свежие работы: специальная статья киевских коллег Н.Б.Бурдо и М.Ю.Видейко (1998) и раздел монографии К.-М.Манту (Mantu 1998, 93 и след.). К сожалению, хотя радиоуглеродный метод — детище точного естествознания, конечные результаты абсолютного датирования и упомянутых, и у иных авторов весьма различны. Согласно К.-М.Манту, общая продолжительность культуры по калиброванным датам определяется приблизительно в 1600 лет (Табл. 1, столб.6), из которых на период Прекукутень-Триполье А отводится 4,5 столетия, на период Кукутень А-

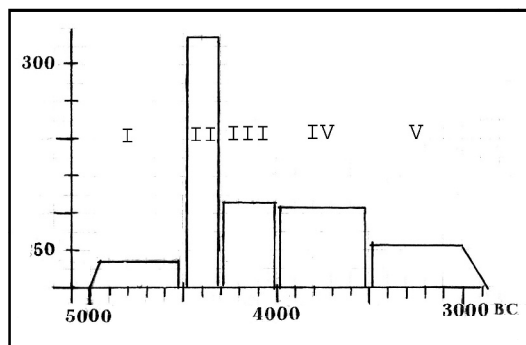
Граф. 1. Количественное распределение памятников (поселений) культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье по периодам.

I — период Прекукутень-Триполье А; II — период Кукутень А-Триполье В1; III — период Кукутень АВ-Триполье В2; IV — период Кукутень В-Триполье С1; V — период Хородиштя-Фолтешть-Триполье С2.

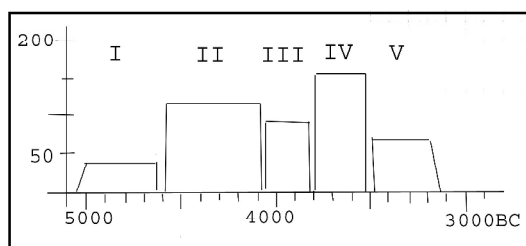
Триполье В1 — 5,5 столетия, на период Кукутень АВ-Триполье В2 — 3,0 столетия, на период Кукутень В-Триполье С1 — 3,5 столетия и на финальный период — 3,5 столетия (Mantu 1998, 166). Следуя Н.Б.Бурдо и М.Ю.Видейко (1998, 26-27, Рис.2), эта же культура развивается порядка 2000 лет (Табл.1, столб. 4), из которых на ранний период приходится 5,0 столетий, на Кукутень А-Триполье В1 — 2,0 столетия, на период Кукутень АВ-Триполье В1/В2 — 2,0 столетия, на период Кукутень В (? — В.Д.)-Триполье В2 — 2,0 столетия, на период Кукутень В (?)-Триполье С1 — 4,0 столетия и на финальный период Триполья С2 — около 4,5 столетия. Обращает на себя внимание, что в последнем случае авторы подразделяют памятники Триполья В1 на два подэтапа, часть из которых относят к переходным, соответствующим периоду Кукутень АВ (Триполье В1/В2), а часть — к периоду Кукутень В (Триполье В2). Такое выделение правомерно, но в данном случае оно затрудняет наш анализ, ибо мы, как и К.-М.Манту, исходили из подразделения культуры на пять периодов. Для преодоления этого препятствия отнесем отведенные этими авторами на период Триполье В2 -2,0 столетия поровну, по столетию, в одном случае на предшествующий, а в другом — на последующий периоды (Табл.1, столб.4).¹¹ Такая условность допустима, так как она не может принципиально повлиять на общую тенденцию.

Все эти данные приведены в Таблице 1, столбцы 4,6, вслед которым дается среднееарифметическое число памятников, приходящихся на каждое столетие того или иного периода культуры (Табл.1, столб. 5,7).

Количественное соотношение разновременных памятников, с учетом их среднестатистического распределения по каждому из столетий, представлены на Графиках 2 и 3. Первый из них — Граф.2 — составлен следуя, абсолютным датировкам Н.Б.Бурдо и М.Ю.Видейко. Второй — по хронологической версии К.-М.Манту. Как следует из этих графиков, количественное соотношение памятников разное. В первом случае наибольший пик развития культуры приходится на период Кукутень А-Триполье В1, после чего наблюдается постепенное последовательное уменьшение численности памятников.¹² Во втором случае, Граф.3, обнаруживаются два пика. Первый из них приходится на период Куку-

Граф. 2. Среднестатистическое распределение памятников по столетиям, следуя абсолютной датировке Н.Б.Бурдо и М.Ю.Видейко (1998).

Граф. 3. Среднестатистическое распределение памятников по столетиям, следуя абсолютной датировке К.-М.Манту (1998).

тень А-Триполье В1, после чего численность памятников заметно падает, а затем снова возрастает в период Кукутень В-Триполье С1. Но в нашем случае главное другое: то, что и первый, и второй график определенно обнаруживают какие-то кризисные явления на переходе от периода Кукутень А-Триполье В1 к периоду Кукутень АВ-Триполье В2. На первом графике оно выделяется очень резко. Во втором случае оно обозначено слабо, но оно есть.

Итак, если вернуться к нашему исходному предположению, можно констатировать, что, действительно, следуя количественному распределению памятников по периодам, на этапе перехода от периода Кукутень А-Триполье В1 к периоду Кукутень АВ-Триполье В2 рассматриваемая культура более или менее четко, но вне сомнения, демонстрирует какие-то качественные сдвиги кризисного характера.

Таков результат, напрашивающийся из анализа хронологического аспекта динамики развития рассматриваемой культуры.

Обратимся к пространственному аспекту этой же проблемы. Возможно, именно здесь обнаружится нечто существенное, подтверждающее или опровергающее выдвинутую ранее рабочую гипотезу. С этой целью на Картах 1-5 были скатированы все памятники культуры Прекукутень-Кукутень-Триполья в объеме оговоренной выше выборки (2017), по каждому из основных периодов ее эволюции. На картах, помимо поселений (а в случае с двумя последними периодами — Карта 4,5 — грунтовые и курганные могильники) стрелками показаны общие

¹¹ В Таблице 1, столбце 4, в соответствующей ячейке эта условность обозначена в скобках.

¹² Обращаю внимание читателя, что тенденции, наблюдаемые на указанных графиках, никоим образом не должны ассоциироваться с динамикой демографического развития рассматриваемой культуры. Кукутень-Триполье столь разнообразно, что один памятник периода Триполья С1 (поселения-гиганты) по демографическим параметрам может перекрыть десятки, а порой и сотни памятников, к примеру, раннего Триполья (См.: Dergacev 1993).

направления расселения носителей этой культуры в каждом из ее периодов. Обращаю внимание, что эти направления нанесены не произвольно, а заимствованы у соответствующих специалистов, которые, в свою очередь, определили их в результате типологических сопоставлений. Иными словами, они в большей или меньшей степени документированы специальными исследованиями.

Рассмотрим каждую из этих карт, обратив особое внимание на карты интересующих нас в данном случае периодов — Кукутень А-Триполье В1 (Карта 2) и Кукутень АВ-Триполье В2 (Карта 3).

Зрительно сопоставив эти карты между собой, отчетливо можно увидеть, что в период Кукутень А-Триполье В1 наивысшая плотность поселений (пусть даже как бы спрессованных во времени) определено приходится на Прикарпатскую зону — верховья Олта, бассейн Сирета, Правобережье Прута и, в меньшей степени, среднее течение Днестра. Причем, что важно, эти зоны, как бы сейчас выразился любой националист, являются исконной территорией формирования и разворачивания этой культуры в предшествующем раннем периоде (Карта 1) Между тем, что мы наблюдаем для периода Кукутень АВ-Триполье В2 (Карта 3). Наивысшая плотность поселений явно смещается к северу и приходится, главным образом, на междуречье среднего и верхнего течения Прута и Днестра и, отчасти, Побужья. В то время как верховья Олта, Посеретье и правобережье среднего Прута, т.е. исконные земли, фактически остаются полупустыми. Оба периода, по мнению специалистов, демонстрируют расселения носителей этой культуры на север и северо-восток. Но из наблюдаемых на картах резких смещений общего массива и плотности населения из Прикарпатской зоны в междуречье верховьев Прута и среднее Поднестровье определено напрашивается вывод о том, что это было не столько расселение, а скорее массовое переселение. Как бы то ни было, в последующий период (Карта 4) ситуация как бы реанимируется. Несмотря на продолжающееся расселение носителей этой культуры в Среднее Поднестровье, заметно возрастает плотность поселений в Южном Побужье и, что показательно, в бас-

сейне Сирета и на Правобережье Прута, т.е. в той самой зоне, которая в предшествующем периоде выглядит полупустой (Карта 3). Далее, хотя эта культура продолжает распространяться в новые районы (Северо-Западное Причерноморье, Волынь, Киевское Заднепровье), общая численность памятников явно падает, рассредоточившись отдельными, относительно изолированными компактными группами (Карта 5).

Подведем итоги и по хронологическому, и по пространственному аспектам анализа общей динамики развития Прекукутень-Кукутень-Трипольской культуры. Исследование количественного соотношения памятников этой культуры на всем протяжении ее развития и в хронологическом, и в пространственном аспекте обнаруживает весьма существенные качественные сдвиги, достаточно отчетливо прослеживающиеся на этапе перехода от периода Кукутень А-Триполье В1 к периоду Кукутень АВ-Триполье В2. Эти качественные сдвиги определено носят кризисный характер, так как в первом случае — в хронологическом плане — они выражаются в заметном уменьшении численности поселений (при равных условиях сопоставления), а во втором — в очевидном массовом смещении эпицентра плотности памятников из исходной для культуры зоны к северу. Хотя уже в последующем периоде (Кукутень В-Триполье С1) эта культура вновь демонстрирует прогрессирующее развитие — рост численности памятников; возрастание численности и плотности памятников во временно опустевшей зоне Прикарпатья.

А сейчас сравним эти напрашивающиеся выводы с гипотетически принятыми предположениями, изложенными в начале этого параграфа. Следуя логике, напрашивающийся вывод один. Проведенное исследование полностью подтверждает идею М.Гимбутас, по крайней мере, в том, что на протяжении периода Кукутень А-Триполье В1 носители этой культуры испытали на себе какие-то события, приведшие к кризису культуры в целом, хотя впоследствии этот кризис явно был преодолен. Однако мы еще не знаем, какого рода обстоятельства вызвали этот кризис. Поэтому усложним наше исследование и обратимся к более конкретным категориям археологических материалов.

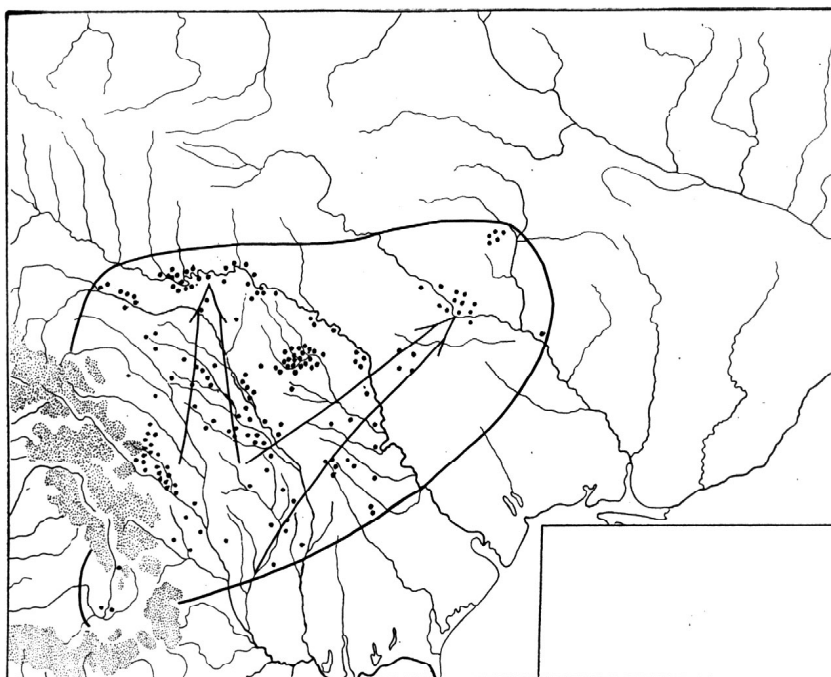
О «гражданской обороне» Кукутень-Трипольского общества

Согласно М.Гимбутас, главная причина гибели культуры Гумельница-Караново VI-Варна и временного кризиса культуры Кукутень-Триполье была степная инвазия, носящая характер военного вторжения. Следуя элементарной логике, здесь мы должны обратиться к средствам войны, для начала — средствам защиты. Проверим эту идею как бы с точки зрения состояния «гражданской обороны» Кукутень-Трипольского общества, тем более, что, как ныне хоро-

шо известно каждому студенту постсоветского пространства, древнейшие фортификационные сооружения Восточной Европы связаны именно с культурой Кукутень-Триполье.

Напомним, что первые археологически задокументированные случаи наличия Кукутень-Трипольских поселений с искусственными фортификациями были зафиксированы Ф.Ласло (Сф.Георге, Ариушд) еще в начале века, но эти открытия остались незамеченными (László 1993:

Карта 1. Памятники периода Прекукутень-Триполье А и направления расселения племен (по Е.К.Черныш и В.Г.Збеновичу)

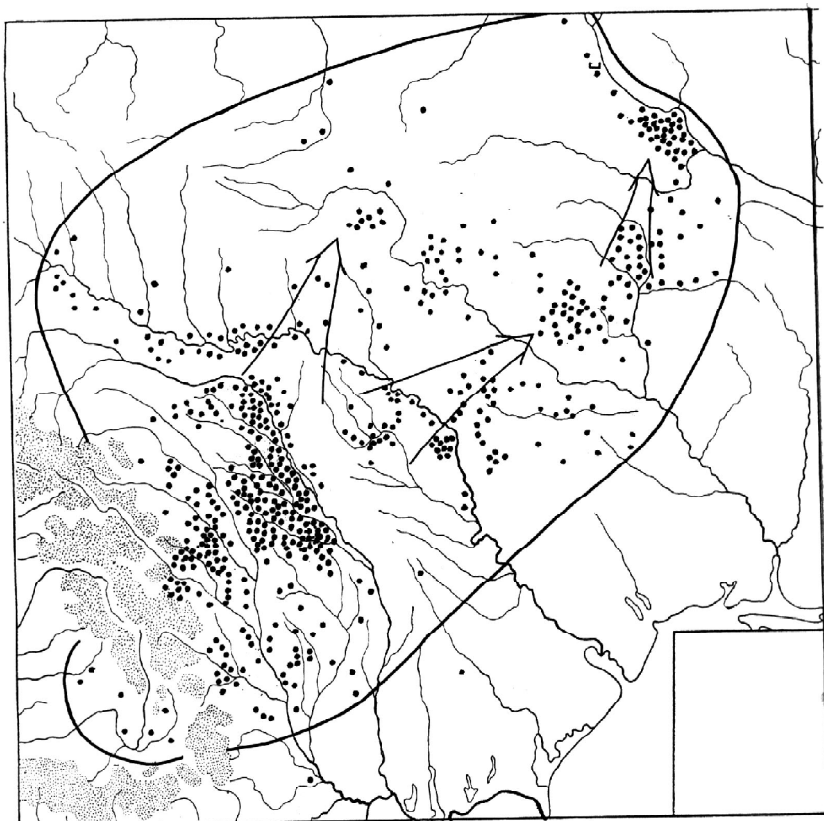
Карта 2. Памятники периода Кукутень А-Триполье В1 и направления расселения племен (по Е.В.Цвек и В.Я.Сорокину).

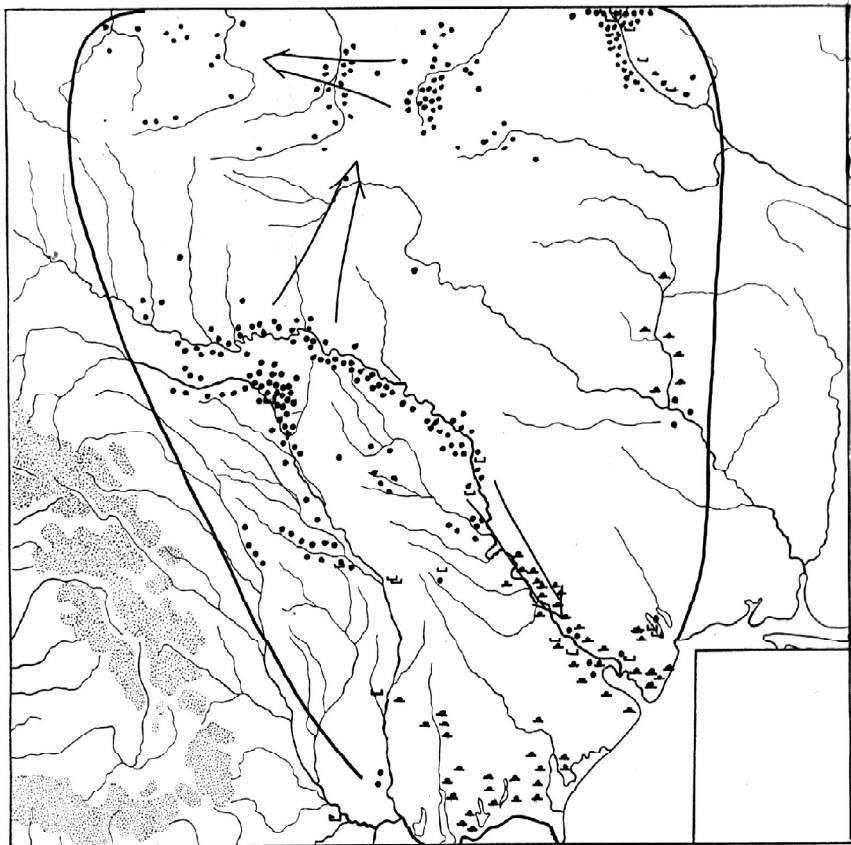
Карта 3. Памятники периода Кукутень АВ-Триполье В2 и направления расселения племен (по Е.В.Цвек и В.Я.Сорокину).

Карта 4. Памятники периода Кукутень В-Триполье С1 и направления расселения племен (по Е.В.Цвек и В.А. Круц).

Карта 5. Памятники периода Хородиштя-Фолтештя-Триполье С2 и направления расселения племен.

33 и след.). В настоящее время поселения с фортификационными сооружениями зарегистрированы для всех периодов этой культуры и во всех основных регионах ее распространения.

Данные о фортифицированных поселениях первоначально складывались из результатов археологических раскопок. Однако на протяжении 60-80-х гг. выяснилось, что многие из фортификаций (рвы, валы) вполне отчетливо прослеживаются на современном рельефе. Из личной полевой практики и я, и многие специалисты знают, что в отдельных случаях перепад высот рвов и валов, даже поселений периода Триполье В1 иногда достигают двух-четырех метров. Проблеме искусственно и/или естественно укрепленных поселений этой культуры посвящена достаточно обширная литература. Напомню лишь некоторые из работ: (Шмаглий 1960; Збенович 1975; Florescu 1966; Marinescu-Bîlcu 1976; Маркевич 1981; László 1993 и др.).

Полные данные о фортифицированных памятниках культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье представлены в Приложении 1 (столбец 4), где достоверные или относительно достоверные случаи этого качества обозначены значком «+», а его вероятность — «?». Там же, в Приложении (столбец 7), указаны и источники инфор-

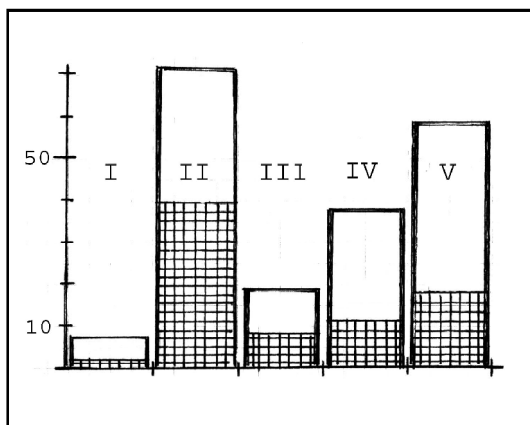
мации.¹³

Следует отметить, что перечень памятников из Приложения 1 составляет «выжимку» из ранее оговоренной нами выборки из 2017 поселений. Поэтому приведенные в приложении данные об оговоренных качествах отражают ситуацию для всей культуры в целом, включительно все хронологические периоды на всем протяжении ее ареала. Должен также оговориться, что при регистрации этих качеств автор крайне критически относился к исходной информации.

Сводные данные о фортифицированных или предполагаемо укрепленных поселениях рассматриваемой культуры с их поперiodным распределением даны в Таблице 2.

Как следует из таблицы, нами зарегистрировано 90 относительно достоверных случаев искусственно защищенных трипольских поселений. Обратим внимание на их количественное распределение по периодам. На ранний период культуры приходится два случая (2,2%); на период Кукутень А-Триполье В1 — 40 случаев (44,9%); на период Кукутень АВ-Триполье В2 — 8 случаев (8,9%); на период Кукутень В-Триполье С1 — 12 случаев (13,3%) и на финальный период 28 случаев (31%). С другой стороны, нами зарегистрировано 105 предположительных случаев. Сравнивая эти данные, можно заметить, что, при некоторых различиях в количественном отношении, их значения почти совпадают как по горизонтали, так и по вертикали (Таблица 2,

¹³ Следует учитывать, что в ряде случаев источник может относиться к иному, более значимому в этом исследовании качественному признаку.

Граф. 4. Количественное распределение фортификационных (заштриховано) и предположительно укрепленных поселений по периодам.

столбцы 2,3). Иными словами, они обнаруживают единую тенденцию (График 4). А это означает, что предположительные случаи достаточно реалистичны, и эти выборки по достоверным и предполагаемым случаям вполне можно просуммировать (Таблица 1, столбец 4).

Между тем, уже на этом этапе мы должны были бы ввести в отмеченные количественные показатели некоторые поправки. Эти коррективы напрашиваются из отмеченного ранее обстоятельства (Примечание 7), что в случае многослойности памятника каждый из его слоев принят за отдельный памятник. А это означает, что

в последнем случае каждый из таких памятников вбирает в себя качество (фортификационность или предположительная укрепленность), которое в реальности относится к предшествующему или последующему во времени культурному слою. И такие случаи известны. Скажем, искусственно защищенное поселение Кукутень-Бзичень включает несколько культурных слоев. Но документально установлено, что фортификационные сооружения относятся к горизонту Кукутень А. В период Кукутень АВ поселение продолжает существовать, но слой носит спорадический характер, а в период Кукутень В фортификационные сооружения застраиваются, и поселение развивается и за пределами этих сооружений (Монах, Сисоş 1985: 82-84). С учетом этих оговорок, мы должны сохранить качество (фортификационность) для поселения периода Кукутень А, но изъять его у поселения периода Кукутень АВ, а тем более у поселения периода Кукутень В. И хотя таких случаев, со сходными оговорками, немного, но они есть (Тырпешть, Траян — Дялул Фынтынилор, Подурь, Бодешть-Фрумушика и др.). Такие поправки позволили бы несколько конкретизировать, усилить выявляемые тенденции, но они не могут существенно повлиять на общую тенденцию в целом.

Отмеченное обстоятельство в равной степени относится и к возможной корректировке количественных данных на хронологические интервалы бытования культурных периодов, т.е.

Табл. 2 Количественное распределение фортификационных, предположительно укрепленных поселений и значимых топонимов по периодам.

Периоды	Достоверно укрепленные поселения (в % от выборки)	Предположительно укрепленные (в % от выборки)	В сумме	Значимые топонимы (в том числе совпадающие)	Не совпадающие	В сумме	Из расчета на число памятников
1	2	3	4	5	6	7	8
Прекукутень-Триполье А	2 / 2,20%	5 / 4,8%	7	5 / 4	1	8	1 : 22
Кукутень А-Триполье В1	40 / 44,9%	32 / 30,5%	72	90 / 47	43	115	1 : 5,9
Кукутень АВ-Триполье В2	8 / 8,9%	11 / 10,5%	19	27 / 9	18	37	1 : 9,64
Кукутень В-Триполье С1	12 / 13,3%	26 / 24,7%	38	56 / 26	30	68	1 : 8,04
Хор./Фолтешть-Триполье С2	28 / 31,1%	31 / 29,5%	59	66 / 42	24	83	1 : 3,1
ВСЕГО	90 / 100%	105 / 100%	195	244 / 128	116	311	

учет среднестатистического распределения в пределах периодов по столетиям. Но опять-таки подчеркиваем, что в нашем конкретном случае эти корректировки не могут повлиять на общую выявленную тенденцию. Подтверждением тому служат Графики 4,5, которые, следуя количественному соотношению рассматриваемых качеств, демонстрируют одну и ту же общую закономерность. Поэтому, ограничимся этим примером. В дальнейшем же, в целях экономии времени и листажа, не будем вводить эти поправки, которые были бы обязательны при решении иных конкретных задач.

Обратимся к осмыслению выявленных данных и их количественному проявлению на протяжении эволюции культуры.

Обращает на себя внимание редкость фортификационных сооружений для раннего периода культуры — два поселения (Тырпешть, Траян — Дялул Вией). Причем, учитывая незначительную глубину и/или ширину зафиксированных на этих поселениях рвов, сама С.Маринеску-Былку (Marinescu-Bîlcu 1974: 21) склонна считать их сооружениями хозяйственного значения (ограды от диких животных), а не как средство военной защиты. Под вопросом остается наличие искусственных сооружений на предположительно защищенных поселениях Бэдень, Пятра Шоймулуй-Калу, Костиша, Подурь, Вэлень (см. Приложение 1), так как все они многослойны, и, вероятнее всего, присваиваемые этим памятникам качества относятся к более поздним культурным горизонтам. Но, так или иначе, примем эти данные.

Что наблюдается далее (Граф. 4,5)? Резкое увеличение общей численности искусственно укрепленных или предположительно укрепленных поселений на этапе Кукутень А-Триполье В1, последующее резкое сокращение в период Кукутень АВ-Триполье В2; затем заметный рост численности — на этапе Кукутень В-Триполье С1 и снова резкое увеличение их численности в финальный период, за которым следует исчезновение самой культуры.

Возникает вопрос, что же скрывается за наблюдаемыми для периодов Кукутень А-Триполье В1 и периода Хородиштя-Фолтешть — Триполье С2 резким возрастанием численности искусственно защищенных поселений? Оставим пока вопрос о возможных внутренних социальных причинах, а именно, обострение социальных отношений. Всем специалистам известно, что повсеместное распространение искусственно защищенных поселений в финальных периодах культуры вызвано, с одной стороны, угрозой степной инвазии со стороны носителей ямной культуры, а с другой, со стороны носителей культуры шаровидных амфор, которые, в конечном счете, преодолев носителей трипольской культуры, разделили ее ареал почти поровну. Известно, что трипольская культура в северных районах (лесная зона от Карпат

до Киевского Поднепровья) непосредственно сменяется культурой шаровидных амфор, а в степной и лесостепной зоне (опять таки от Карпат до Днепра) — позднеямной культурой степных скотоводов (Дергачев 1999: 205, 206. Рис.25, 26).¹⁴ В последнем случае, разумеется, речь идет о третьей волне степной инвазии (по М.Гимбутас), которая, как ранее отмечалось, никем не оспаривается. Следовательно — инвазия. Но если подобный взрыв численности искусственно укрепленных поселений финального Триполья объясняется угрозой и инвазией инокультурных обществ, то почему не менее значимый по количественному проявлению взрыв численности фортифицированных поселений периода Кукутень А-Триполье В1 нельзя объяснить теми же обстоятельствами? Иначе говоря, следуя принципу «по аналогии», напрашивающееся объяснение ситуации однозначное — инвазия. И в таком случае получается, что идея М.Гимбутас о первой волне степных скотоводов вполне подтверждается.

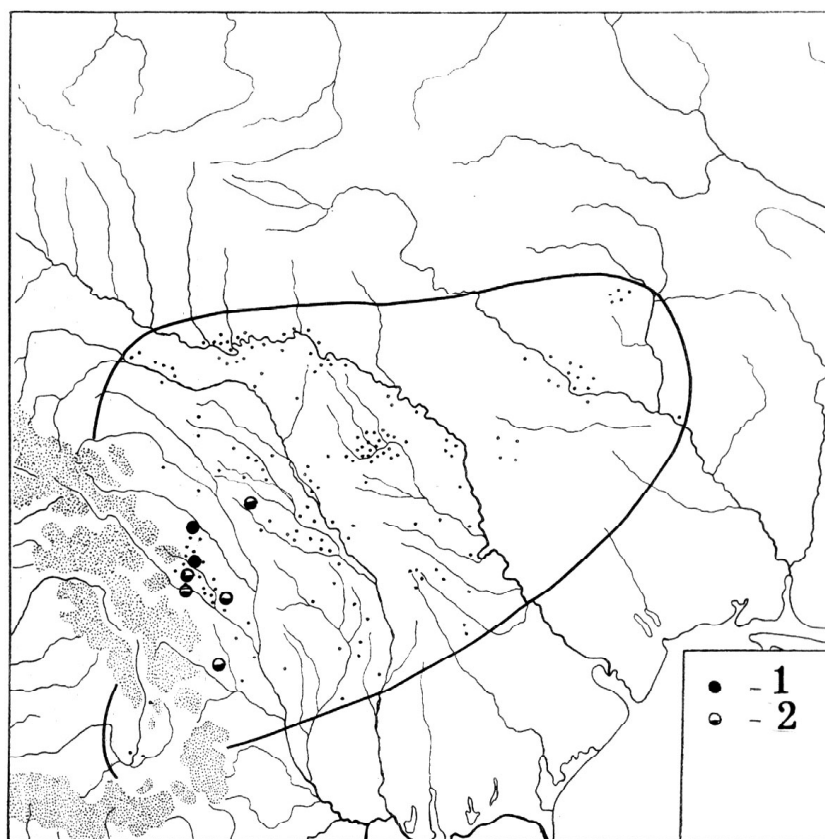
Обратимся к пространственному проявлению этих же рассматриваемых качеств.

На Картах 6-10 на фоне местонахождений поселений (мелкие точки) соответствующих периодов наложены все случаи достоверных или предположительно фортифицированных поселений. Как следует из этих карт, за исключением финального периода (Карта 10), фортифицированные поселения с незначительными различиями приходятся, главным образом, на западную часть ареала культурных периодов (Карты 7-9) — на Прикарпатскую зону и Правобережье Прута, включая на севере его верховья с выходом на Поднестровье. За редкими единичными случаями, фортифицированные или предположительно укрепленные поселения отсутствуют в Среднем Поднестровье, и тем более, для периода Кукутень В-Триполье С1, в Поднепровье, хотя число памятников в этих регионах значительно.

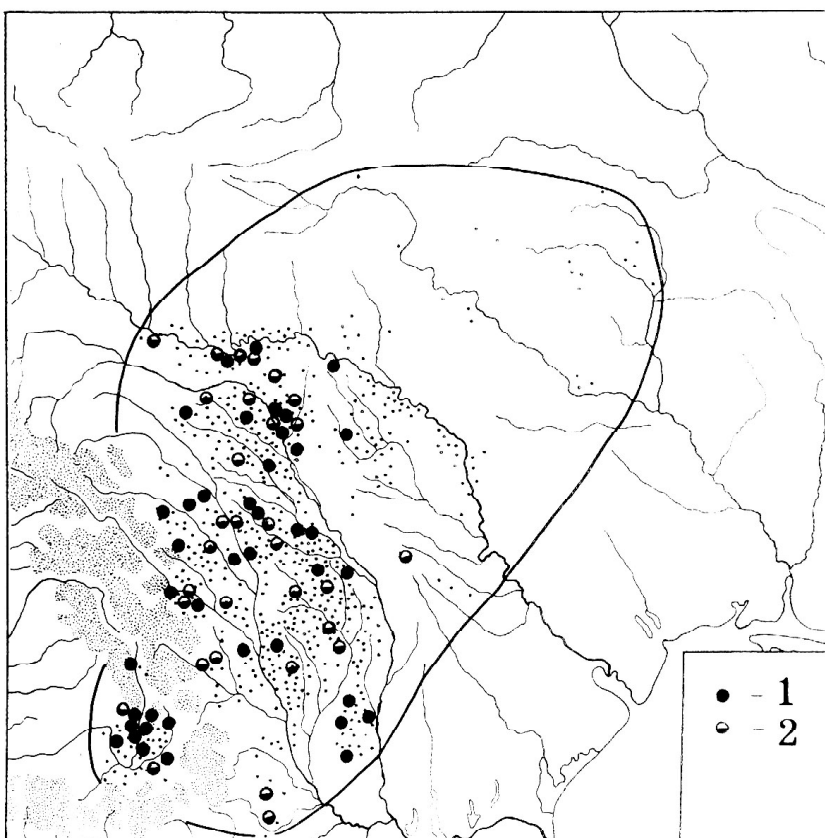
Учитывая пространственное распределение укрепленных или предположительно укрепленных поселений, можно сформулировать один принципиальный вывод. Многочисленность искусственно фортифицированных поселений не может быть объяснена за счет внутренних социальных противоречий. Ибо, если бы таковые и были присущи трипольскому обществу, то в большей или меньшей степени они должны были проявиться на всем протяжении его ареала. Следовательно, широкое распространение фортификационных сооружений могло возник-

¹⁴ Культурная ситуация на этапе смены культуры позднего Триполья культурой шаровидных амфор недавно рассмотрена и в работе: Parzinger 1998: 465, 467, Abb.5,7. Однако из-за того, что автор односторонне использовал лишь украинские источники, ареал памятников культуры шаровидных амфор отражен неполно, ибо эти памятники в Прикарпатской зоне опускаются до среднего течения Сирета и Прута.

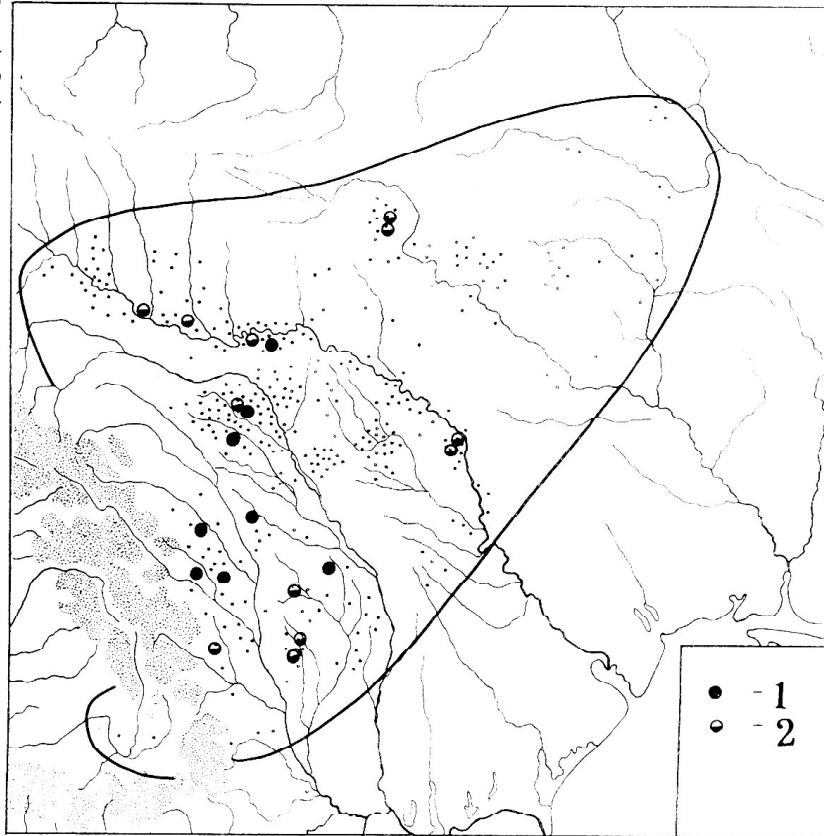
Карта 6. Период Прекуку-
тень-Триполье А. 1 —
укрепленные, 2 —
предположительно
укрепленные посе-
ления.

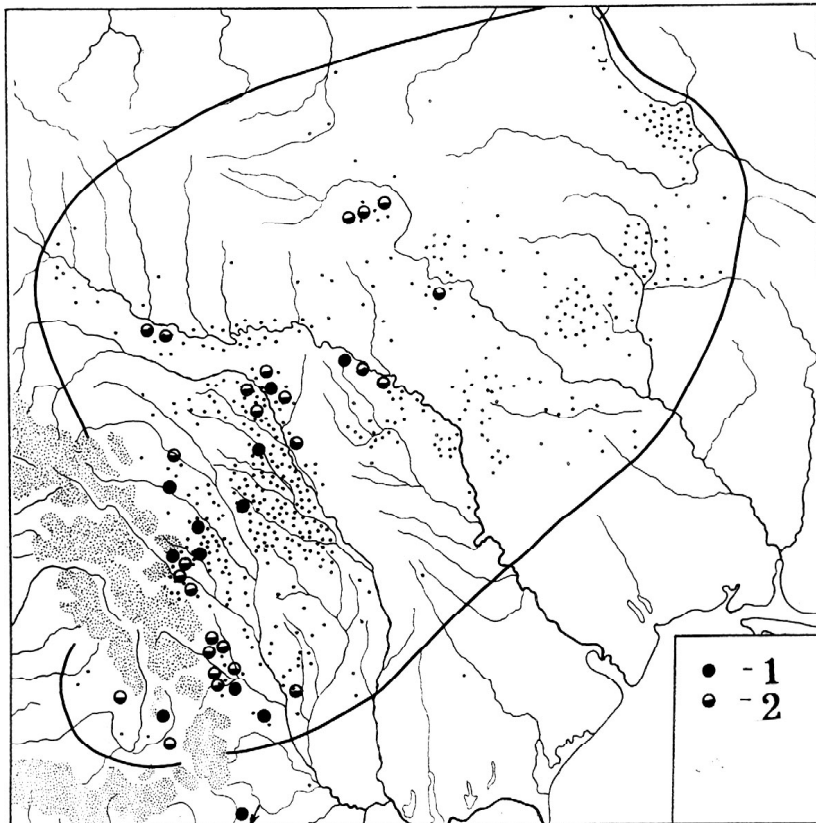
Карта 7. Период Куку-
тень А — Триполье
В1. 1 — укреплен-
ные, 2 — предполо-
жительно укреплен-
ные поселения.

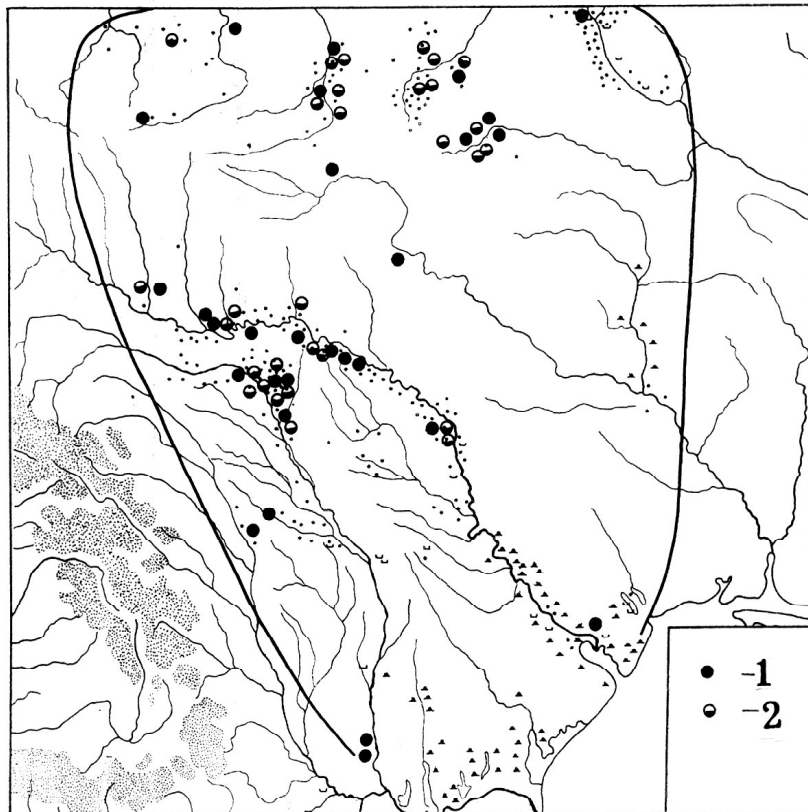
Карта 8. Период Кукутень
 АВ — Триполье В2. 1 —
 укрепленные, 2 —
 предположительно
 укрепленные поселе-
 ния.

Карта 9. Период Кукутень
 В — Триполье С1. 1 —
 укрепленные, 2 —
 предположительно
 укрепленные поселе-
 ния.

Карта 10. Период Хордиштя-Фолтешть — Триполье С2. 1 — укрепленные, 2 — предположительно укрепленные поселения.

нуть из потребности защиты от какого-то внешнего фактора, чьей-то угрозы. Причем, эта угроза, если учитывать локализацию фортификацированных памятников, определенно сильно выражена именно в юго-западной, Прикарпатской, части ареала — на границе со степью, и практически не просматривается в северной — лесостепной части ареала — в Днестровско-Бугском и Днепровском междуречьях.

А сейчас, учитывая количественное и пространственное распределение укрепленных памятников, посмотрим на этот процесс как бы в развитии от периода к периоду.

Ранний период — относительно равномерное распределение памятников по ареалу (Карта 1). Появление одиночных памятников, окруженных с напольной стороны рвами, вероятнее всего, хозяйственного назначения (Карта 6). Как будто бы никакой внешней угрозы.

Период Кукутень А-Триполье В1 — резкое повсеместное распространение в Прикарпатской зоне, характеризующейся наивысшей плотностью памятников (Карта 2), многочисленных фортификацированных поселений. Учитывая соотношение укрепленных и неукрепленных поселений (см. далее), создается впечатление (Карта 7), что в этой зоне общество буквально находилось на осадном положении.

Период Кукутень АВ-Триполье В2 — резкое сокращение численности памятников, смещение наибольшей их плотности к северу и опустошение южных районов Прикарпатской зоны

(Карта 3) при одновременном резком сокращении численности укрепленных поселений (Карта 8). Получается, что после каких-то катаклизмов, приведших к смещению эпицентра плотности памятников к северу, одновременно снимается и осадное положение или военная угроза.

Период Кукутень В-Триполье С1 — повсеместное возрастание плотности памятников и в восточной, и в западной, включительно ранее отчасти опустевших, зонах (Карты 4), и все это при относительно низкой численности укрепленных поселений (Карта 9). Такое соотношение может быть объяснено лишь общей стабилизацией ситуации, приведшей к очередному пику развития этой культуры в данном периоде. Обращает на себя внимание расположение фортификационных памятников как бы дугой — с севера, с верховьев Прута, на юг, вдоль предгорий Восточных Карпат до верховьев Олта (Карта 9). Но если напомнить, что именно в точках концентрации этих укрепленных поселений проходят основные межгорные дороги, соединяющие Прикарпатскую зону с Центральной Трансильванией. Там же, в верховьях Олта, Бистрицы и р. Молдова находятся крупнейшие залежи меди (Дергачев 1999: 170-171). Там же, в верховьях Сирета находятся крупнейшие залежи поваренной соли (Монах 1991). Так что такая линия укреплений кажется вполне логичной.

И, наконец, финальный период культуры, когда одновременно наблюдается общее сокращение численности поселений, концентрирую-

щихся в междуречье верховьев Прута и Днестра и на Волыни (Карта 5), и одновременно резкое возрастание в этих зонах численности фортифицированных поселений (Карта 10). Но мы уже знаем, и это никто не оспаривает, что в первом случае (Карпато-Поднепровье) это период угрозы и проникновения ямной скотоводческой культуры. А на севере — Волынь — это период угрозы и проникновения носителей центрально-европейской культуры шаровидных ам-

фор. Полное спокойствие наблюдается только в Киевском Поднепровье, где, несмотря на значительное число памятников, известно лишь одно искусственно укрепленное поселение (Казаровичи).

Воздержимся пока от общего вывода в оценке пространственно-временного анализа фортифицированных поселений и обратимся еще к одному качественно совершенно независимому источнику — топонимии.

Память народов

В процессе отбора фортифицированных или предположительно укрепленных поселений автором еще в 80-х гг — на стадии разработки темы контактности Карпато-Поднепровья — было замечено, что эти памятники зачастую сопровождаются топонимами, также обозначающими укрепленные местности. Учитывая полную автономность топонимии по отношению к археологическим источникам, было решено полностью и самостоятельно проанализировать и этот параметр.

Для этой цели из общей выборки памятников культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье (2017) были отобраны все памятники, сопровождающиеся значимыми, с нашей точки зрения, топонимами. Полные данные об этих топонимах представлены в Приложении 1, столбец 3. Обращаю внимание, что в этом столбце для наглядности даны лишь значимые, с нашей точки зрения, топонимы.

По сути, все выбранные топонимы подразделяются на две большие группы.

Первая группа — топонимы, обозначающие естественно отгороженные, трудно-доступные места. К примеру, румынские обозначения: Chisc/Pisc; Corhan/Gorgan/Movila¹⁵; Cap de Deal/Coada Dealului; Măgura; Domb; Stîncă; Culme; Pod, Ruptura и др. или древнеславянские или украинские обозначения: Остров, Замка (запруды), Скала, Гора, Холм, Риф, Щовб, Горб, Гряды, Товдры, Клины и др.

Вторая группа — топонимы, обозначающие искусственно укрепленные места. К примеру, венгерское — Vbra; румынское — Cetate/Cetățuie, La Șanțuri и, главным образом, топонимы древнеславянского происхождения: Horodiște/Городище, Замок/Замчище, Мисто/Мистичко и пр.

В общей сложности автору удалось выбрать 244 памятника с подобными топонимами, которые, обращая внимание, представляют все периоды рассматриваемой культуры на всем протяжении их ареала. Сводные данные о количественном распределении топонимов по периодам представлены на Таблице 2, столбец 5.

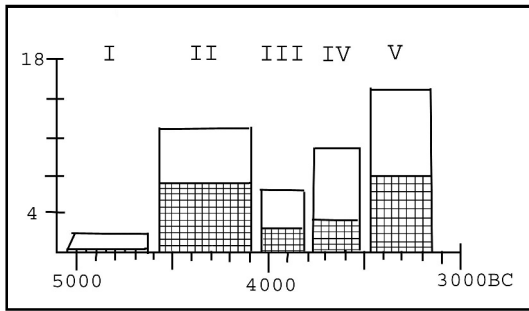
¹⁵ Речь идет о курганобразных естественных возвышениях. Но достаточно часто топоним происходит от курганной насыпи, находящейся на территории поселения. Подобные случаи не учтены.

Рассматривая хронологическое распределение численности поселений со значимыми топонимами, можно заметить, что они распределяются от периода к периоду приблизительно в тех же пропорциях, что и ранее рассмотренные фортифицированные и/или предположительно фортифицированные поселения. Это видно и из цифровых данных (Таблица 2), и из сравнения представленных графиков количественного их распределения (График 4-6). Более того, обращает на себя внимание частая встречаемость этих качеств, т.е. выделенных топонимов с фортификационностью или предположительно фортифицированными поселениями (Граф 7). Так, на примере (Табл.2, столбец 5) для периода Прекукутень-Триполье А из 5 поселений с выделенными топонимами 4 — укреплены или предположительно укреплены; для периода Кукутень А-Триполье В1 — из 90 поселений со значимыми топонимами 47 — укреплены или предположительно укреплены; для периода Кукутень АВ-Триполье В2 — соответственно из 27 поселений с топонимами 9 — укреплены; для периода Кукутень В-Триполье С1 на 56 топонимов приходится 26 укрепленных поселений и для финального периода на 66 топонимов приходится 42 действительно укрепленных или предположительно укрепленных поселения.

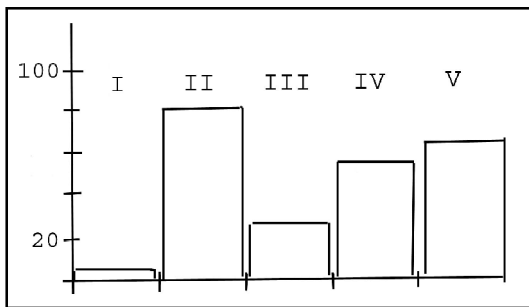
Отмеченное совпадение этих, отмечу еще раз, абсолютно автономных по своей природе источников и их взаимное относительно пропорциональное распределение во времени от периода к периоду культуры, позволяют сформулировать два принципиально важных вывода.

1. Топонимия совершенно самостоятельно и независимо от археологических источников отражает те же реальные исторические процессы, что и ранее рассматриваемые качества — укрепленность или предположительную укрепленность поселений.¹⁶

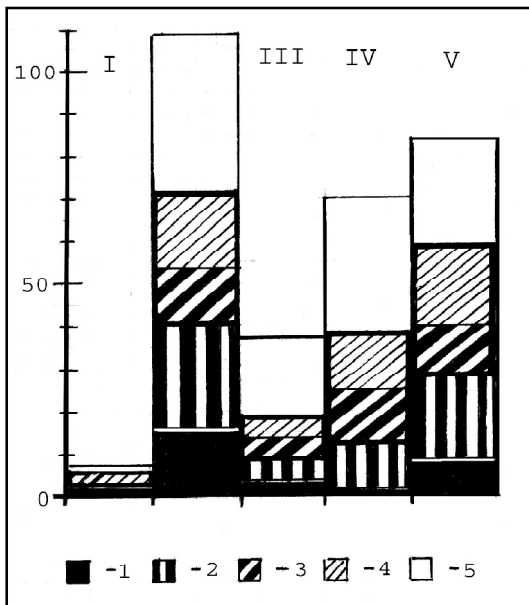
¹⁶ Не могу не обратить внимание на это обстоятельство специалистов-лингвистов. Объективность топонимии для памятников культуры Кукутень-Триполье подтверждается и многими, не оговоренными здесь обстоятельствами. А ведь речь идет о самом раннем для Восточной Европы пласте фортифицированных поселений, древность которых определяется 5-3 тысячелетиями до н.э. Каков механизм передачи и сохранения в памяти народов событий 5-7 тысячелетней давности? Просто не укладывается в голове!

Граф. 5. Среднестатистическое распределение фортифицированных (заштриховано) и предположительно фортифицированных поселений по столетиям, следуя абсолютной датировке К.-М.Манту (Mantu 1989).

Граф. 6. Количественное распределение топонимов, обозначающих естественно или искусственно укрепленные места по периодам.

Граф. 7. Сводные данные о количественном распределении по периодам поселений: 1 — фортифицированных, 2 — фортифицированных со значимыми топонимами, 3 — предположительно укрепленных, 4 — предположительно укрепленных со значимыми топонимами, 5 — со значимыми топонимами.

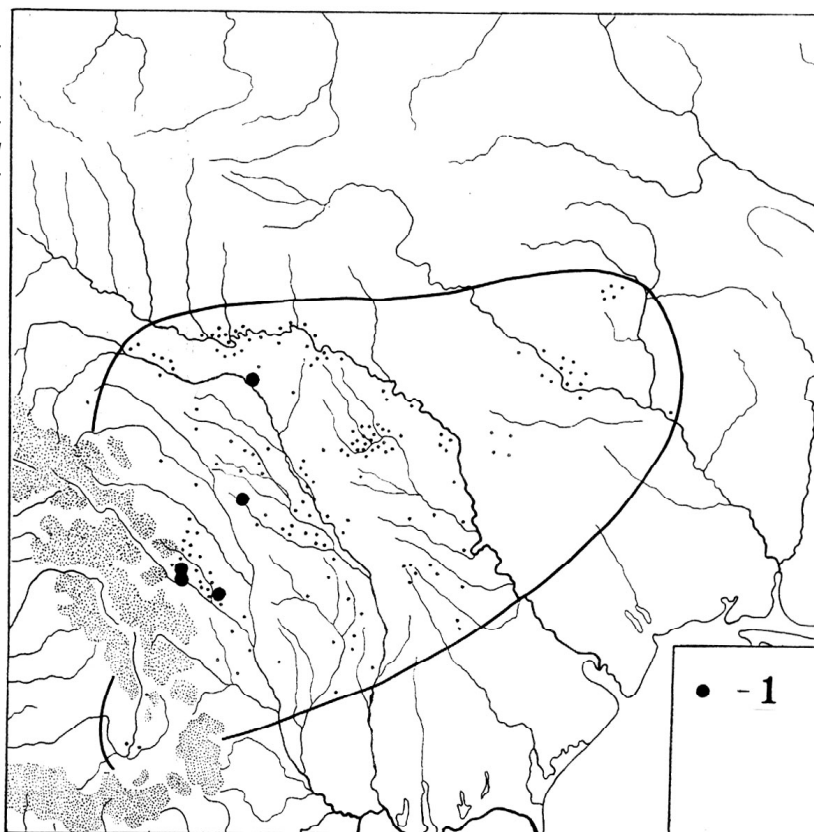
2. Все ранее сказанное о проявлении или тенденциях, обнаруживающихся в хронологическом анализе фортифицированных или предположительно фортифицированных поселений, в равной степени относится и к топонимам, ибо отражает один и тот же историко-культурный процесс.

Важно обратить внимание, что оба эти сформулированных вывода полностью подтверждаются, или наоборот, независимо вытекают из пространственного анализа топонимики в сопоставлении с ранее рассмотренными качествами — пространственным соотношением укрепленных или предположительно укрепленных поселений.

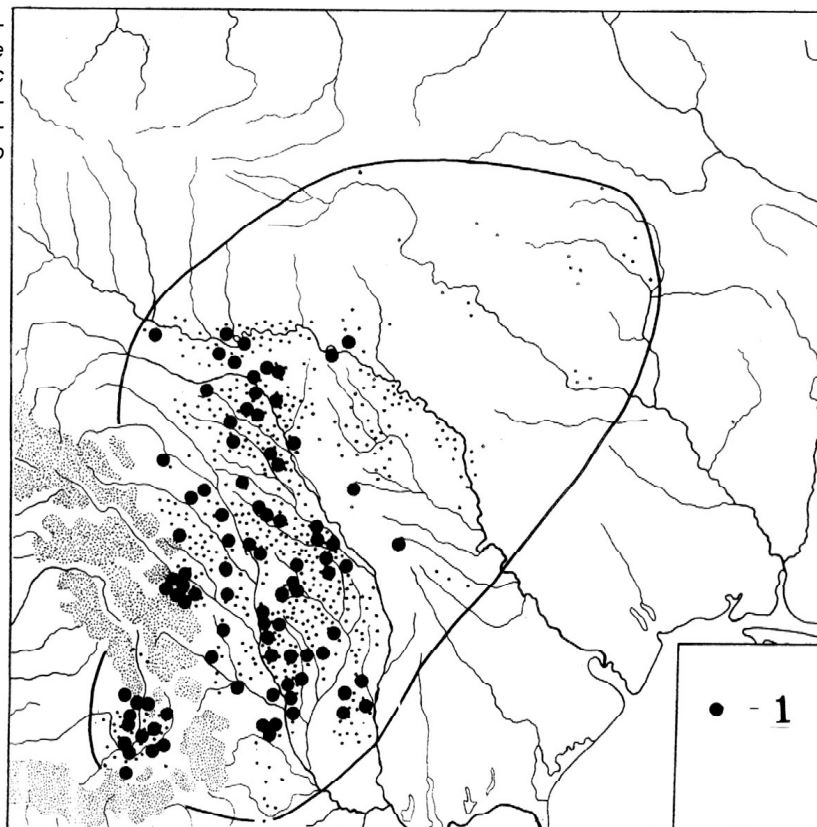
На Картах 11-15 прокартированы все значимые, с нашей точки зрения, топонимы, обозначающие естественно или искусственно укрепленные памятники. Сравните эти карты между собой и сопоставьте их с ранее приведенными соответствующими картами локализации фортифицированных или предположительно фортифицированных поселений (Карта 6-10). Наблюдаемая тождественность ситуаций очевидна. Подобно фортифицированным или предположительно фортифицированным поселениям периода, скажем, Кукутень А-Триполье В1 (Карта 7) топонимы, означающие естественно или искусственно укрепленные места (Карта 12), сосредоточены в Карпато-Прутском регионе при полном их отсутствии в восточной части ареала. Сходная картина наблюдается для периода Кукутень АВ-Триполье В2 (сравни карты 8 и 13) и для периода Кукутень В-Триполье С1 (сравни карты 9 и 14). Совершенно иную ситуацию обнаруживает распределение фортифицированных поселений финального периода культуры (Карта 10). Но эта ситуация абсолютно адекватна распределению топонимов этого периода, локализующихся, с одной стороны, в Верховьях Прута и Днестра, а с другой — на территории Волыни (Карта 15).

Все вышеизложенное дает полное основание объединить количественные показатели по всем трем рассмотренным качествам (достоверно и предположительно фортифицированные поселения плюс поселения со значимыми топонимами, за вычетом взаимно совпадающих), сумма которых, по сути, и будет отражать состояние «гражданской» обороны Прекукутень-Кукутень-Трипольского общества в разных периодах его развития. Эти цифровые данные приводятся в той же Таблице 2, столбец 7. При несложной арифметической операции (общее число памятников по каждому периоду — Табл.1, разделенное на число определенно естественно или искусственно укрепленных памятников) можно обнаружить как бы общую степень защищенности этого общества в каждом из ее периодов (Табл.2, столбец 8). А выражается она в следующих пропорциях: период Прекукутень-Триполье А — одно естественно или искусст-

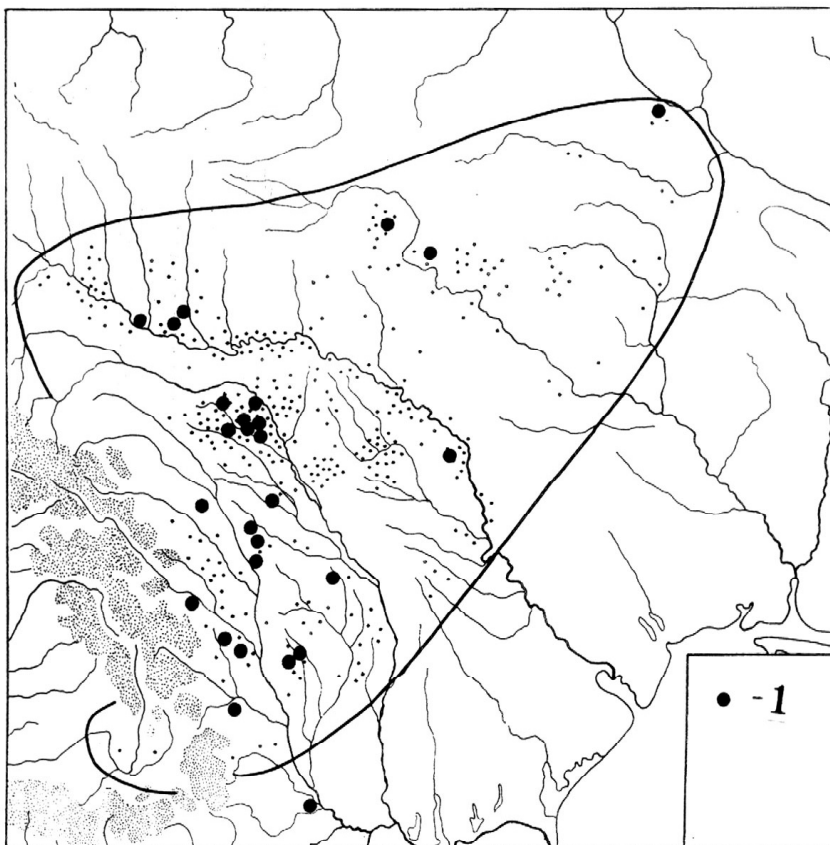
Карта 11. Период Прекуку-
тень — Триполье А. 1
— поселения с топо-
нимами, обозначающими
естественно или
искусственно укреп-
ленные места.

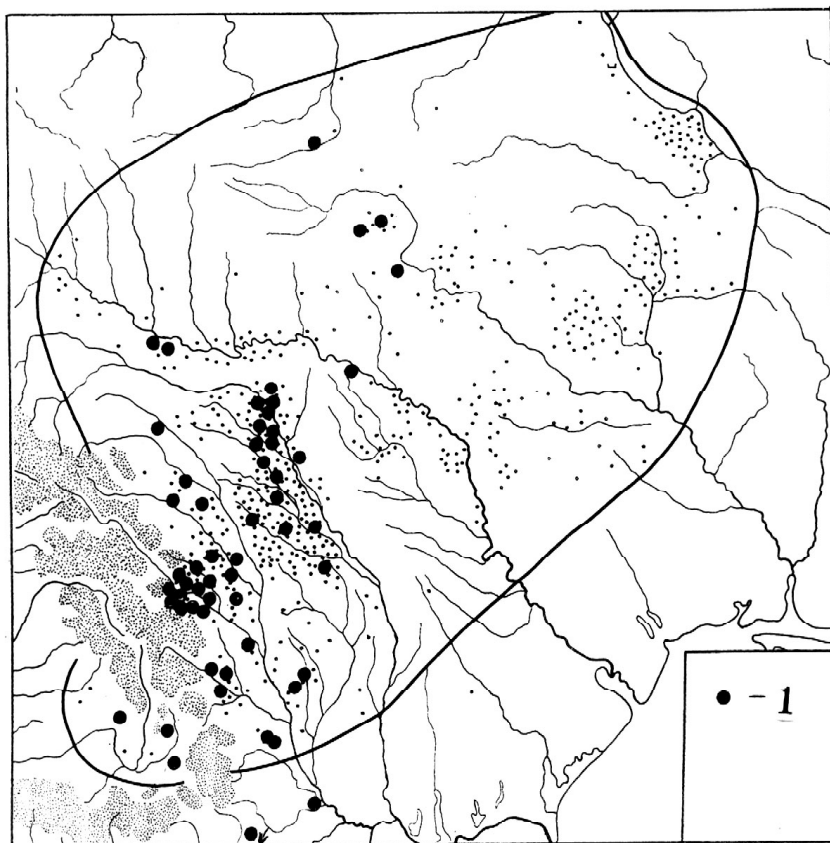
Карта 12. Период Куку-
тень А — Триполье
В1. 1 — поселения с
топонимами, обозна-
чающими естествен-
но или искусственно
укрепленные места.

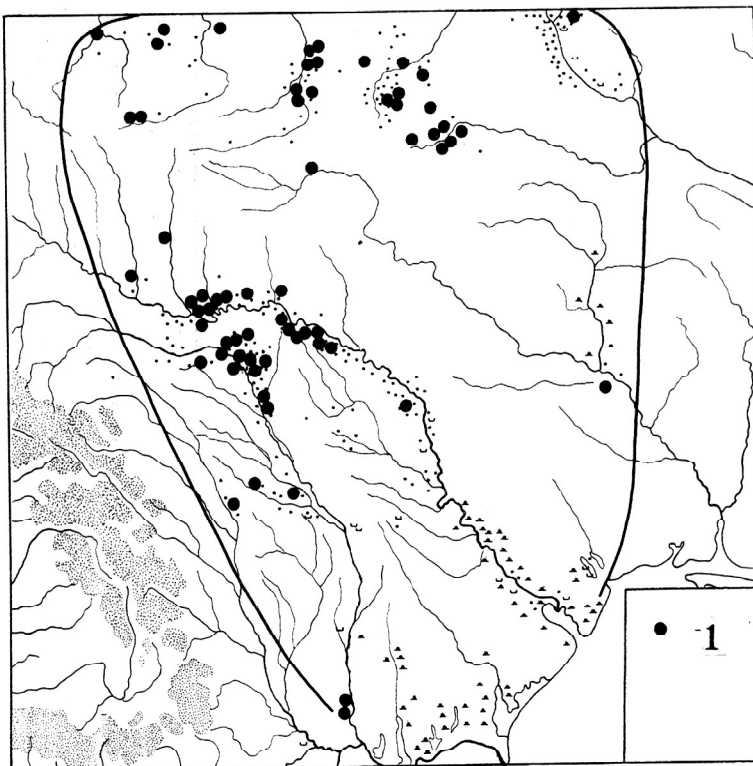
Карта 13. Период Кукутень АВ — Триполье В2. 1 — поселения с топонимами, обозначающими естественно или искусственно укрепленные места.

Карта 14. Период Кукутень В — Триполье С1. 1 — поселения с топонимами, обозначающими естественно или искусственно укрепленные места.

Карта 15. Период Хородиштя-Фолтешть — Триполье С2. 1 — поселения с топонимами, обозначающими естественно или искусственно укрепленные места.

венно укрепленное поселение на каждые 22 памятника; период Кукутень А-Триполье В1 — одно укрепленное поселение на каждые 6 памятников (5,9); период Кукутень АВ-Триполье В2 — одно укрепленное поселение на каждые 10 памятников (9,64); период Кукутень В-Триполье С1 — один укрепленный памятник на каждые 8 (8,04) поселений; и для финального периода — один укрепленный памятник на каждые три (3,1) поселения.

Обращаю внимание, что все эти расчеты даются без учета возможных корректировок в случаях многослойных памятников, о чем сказано ранее. Если бы такие корректировки проводились, то различия были бы еще более разительными и выражались бы в еще большей «фортифицированности» периода Кукутень А-Триполье В, и в меньшей степени — для периода Прекукутень-Триполье А или периодов Кукутень АВ-Триполье В2 или периода Кукутень В-Триполье С1.

Сводные данные о численности естественно или искусственно укрепленных поселений (с учетом каждого качества) в их хронологической последовательности от периода к периоду даны на Графике 7, а в их пространственном выражении на Картах 16-20.

Напомним сформулированный в начале предшествующего параграфа вопрос — испытывали ли носители рассматриваемой культуры в период Кукутень А-Триполье В1 какое-то военное нашествие или инвазию? Ответ напрашивается однозначный — да, испытывали. Это нашествие отражено в резком (по сравнению с ранним периодом — Табл. 2) повсеместном рас-

пространении в указанный период естественно или искусственно укрепленных поселений — один укрепленный памятник из каждых шести.

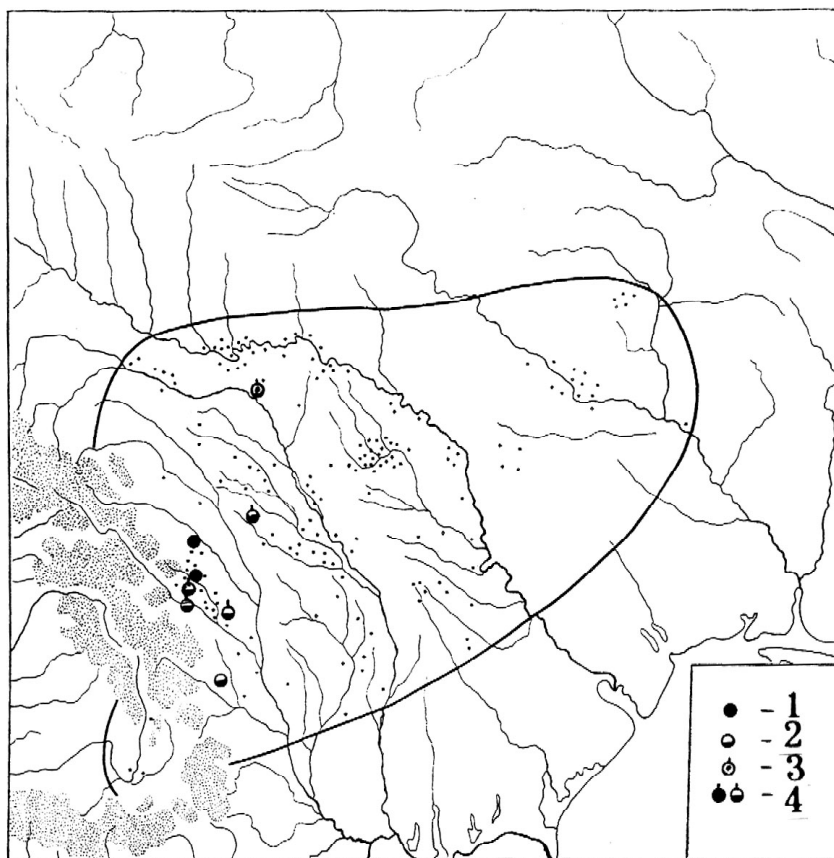
Это нашествие, или инвазия, коснулось, в первую очередь и главным образом, Карпато-Попрутья, т.е. исторический эпицентр многовекового развития этой культуры (Карта 17). Направленное на эту зону, нашествие очевидно и вызвало резкое смещение населения или, вероятно, переселение части населения на север и северо-восток в менее опасные зоны, что отчетливо прослеживается в смещении плотности памятников на этапе перехода от периода Кукутень А-Триполье В1 (Карта 2) к периоду Кукутень АВ-Триполье В2 (Карта 3).

Период Кукутень АВ-Триполье В2 демонстрирует незначительное сокращение памятников (График 1-3), но одновременно и резкое сокращение численности естественно и искусственно укрепленных поселений (График 7). А такое соотношение может быть интерпретировано лишь как снятие военной ситуации и наступление относительно мирных времен (одно укрепленное поселение из каждых 10).

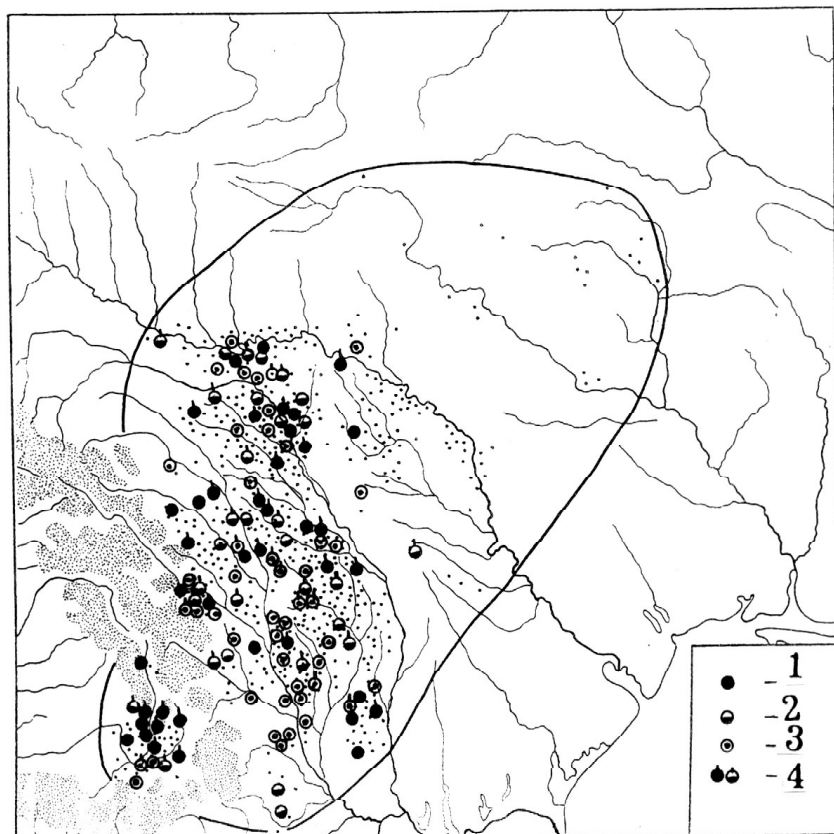
Это состояние подтверждается и данными для периода Кукутень В-Триполье С1 (График 1-4), когда при некотором увеличении численности естественно и искусственно укрепленных поселений, резко расширяется ареал культуры, возрастает плотность памятников по всему ареалу, а соотношение укрепленных и неукрепленных поселений достаточно близко предшествующему (одно укрепленное поселение из восьми).

И снова ситуация резко обостряется на фи-

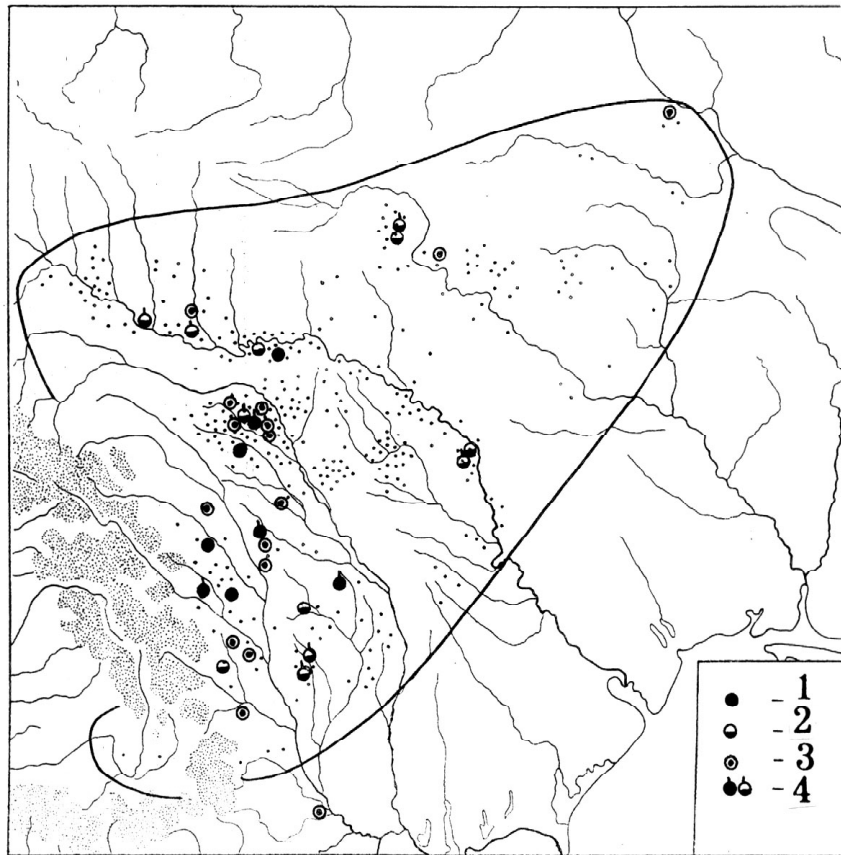
Карта 16. Период Прекукутень-Триполье А. 1 — укрепленные, 2 — предположительно укрепленные поселения, 3 — поселения со значимыми топонимами, 4 — укрепленные или предположительно укрепленные поселения со значимыми топонимами.

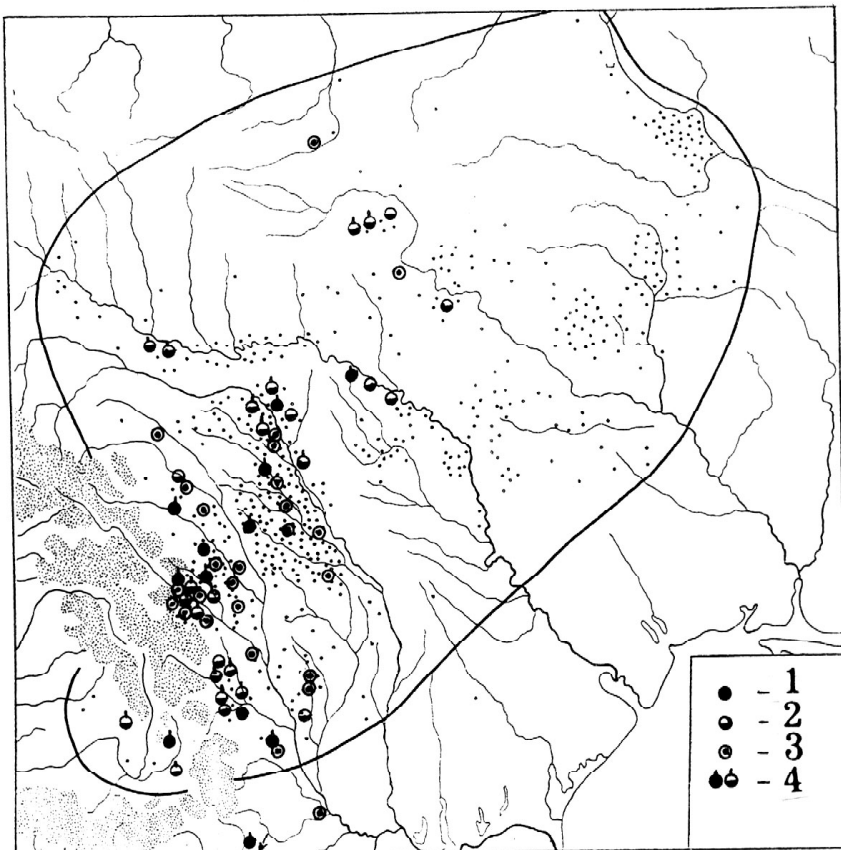
Карта 17. Период Кукутень А — Триполье В1. 1 — укрепленные, 2 — предположительно укрепленные поселения, 3 — поселения со значимыми топонимами, 4 — укрепленные или предположительно укрепленные поселения со значимыми топонимами.

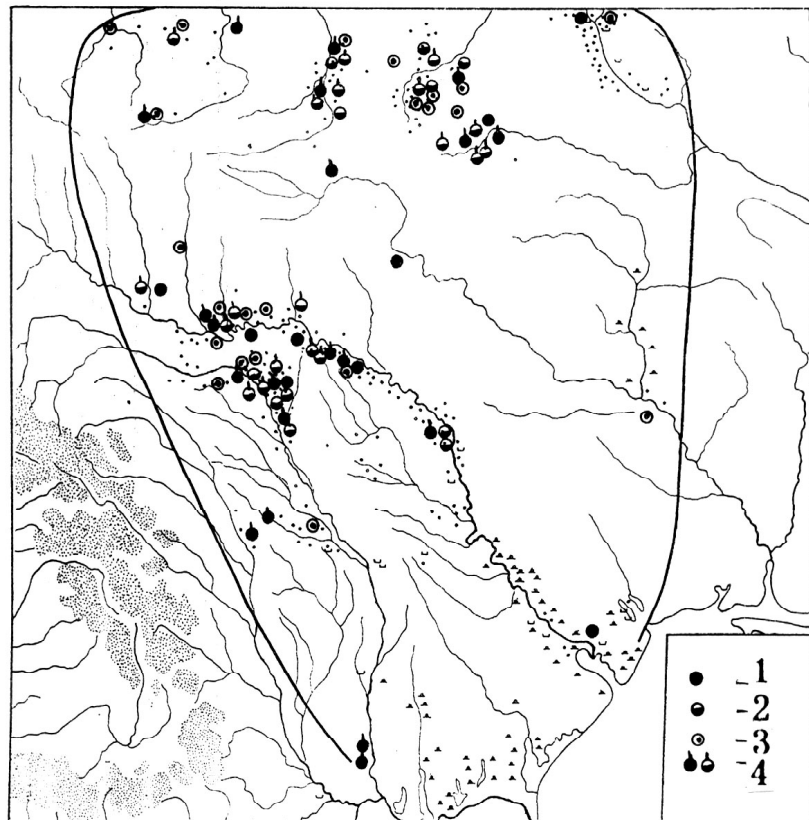
Карта 18. Период Куку-
 тень АВ — Трипо-
 лье В2. 1 — укреп-
 ленные, 2 — пред-
 пожительно укреп-
 ленные поселе-
 ния, 3 — поселения
 со значимыми то-
 понами, 4 — укреп-
 ленные или
 предположительно
 укрепленные посе-
 ления со значимы-
 ми топонимами.

Карта 19. Период Куку-
 тень В — Триполье
 С1. 1 — укреплен-
 ные, 2 — предполо-
 жительно укреп-
 ленные поселения,
 3 — поселения со
 значимыми топони-
 мами, 4 — укреп-
 ленные или предпо-
 ложительно укреп-
 ленные поселения
 со значимыми то-
 понами

Карта 20. Период Хордиштя-Фолтешть — Триполье С2. 1 — укрепленные, 2 — предположительно укрепленные поселения, 3 — поселения со значимыми топонимами, 4 — укрепленные или предположительно укрепленные поселения со значимыми топонимами.

нальных периодах культуры, причем это происходит одновременно и в Пруто-Днестровском регионе (Верховьях), и на территории Волыни (Карта 20), когда каждый из трех памятников естественно или искусственно укреплен.

Итак, испытало ли трипольское общество и культура военное нашествие на этапах периода Кукутень А-Триполье В1? Следуя двум авто-

номным взаимокоррелирующим категориям источников — топонимики и данным археологии о фортификационности поселений этой культуры — ответ для меня однозначный — да, испытало. И в этом случае мнение М.Гимбутас по этому вопросу верно.

Но обратимся еще к одной категории источников — к орудиям войны.

Орудия войны

Одно из подтверждений военной инвазии степных племен М.Гимбутас и другие специалисты видели в широком распространении в ареалах древнеземледельческих цивилизаций Карпато-Подунавья специфичного для степной зоны оружия, как-то: треугольных наконечников стрел, удлинённых ножевидных пластин, подтреугольных топоров с суживающимся закругленным основанием и пр. Особое внимание на эти формы изделий уделили в своей работе Я.Лихардус и М.Лихардус-Иттен, составившие для некоторых из них карту их распространения в ареале культуры Гумельница-Караново VI-Варна и отчасти для культуры Кукутень-Триполье (Lichardus, Lichardus-Ippen 1993: 39, Abb.13).

Обратимся и мы к одной из этих разновидностей и рассмотрим ее «поведение» в рамках культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье. Речь идет о наконечниках стрел для лука или дротиков. В данном случае нас не интересует их типология. Важно проследить общую тенденцию

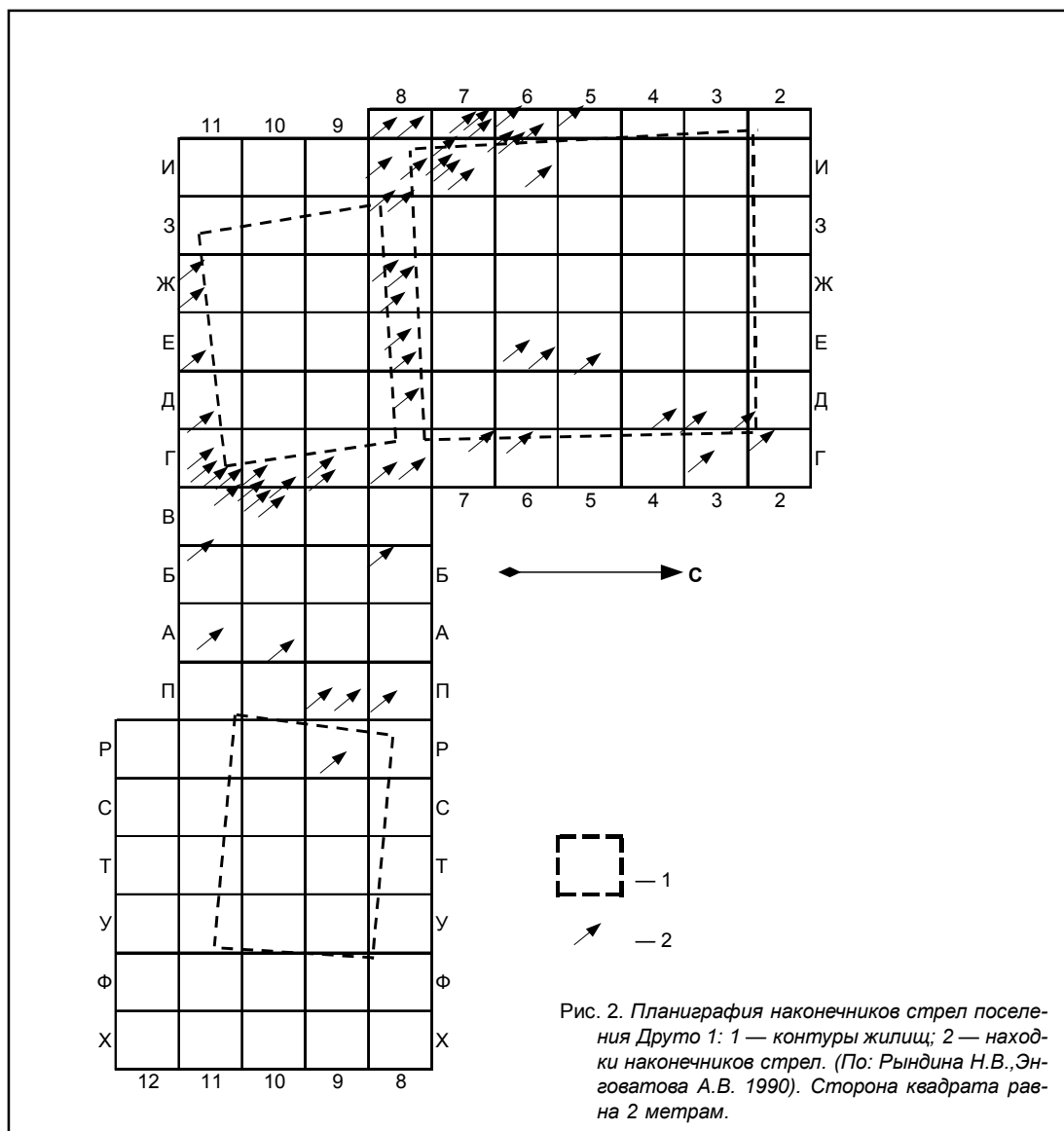
развития этой разновидности, как возможно составляющей одно из главных орудий войны, что еще предстоит доказать.

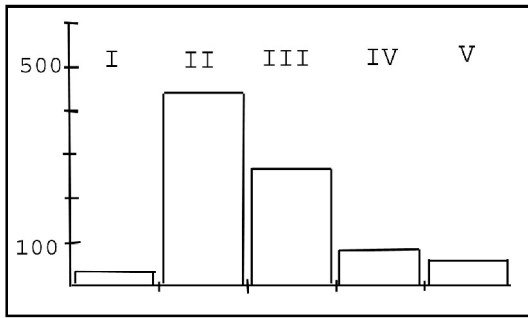
Отбор материалов осуществлялся по всем основным, наиболее полно раскопанным памятникам, а в остальном — по принципу случайной выборки. Статистика есть статистика. Условие — репрезентативность выборки по каждому из периодов культуры с охватом всех ее территориальных подразделений.

Полные данные о собранных наконечниках представлены в Приложении 1, столбец 5, где числитель означает число наконечников стрел, а знаменатель, в случаях наличия информации, общее количество кремневых изделий с данного памятника. К сожалению, за исключением раннего периода культуры (Прекукутень-Триполье А) выборка последнего параметра недостаточно репрезентативна, и мы не будем проводить возможный их дополнительный анализ. Но для наглядности визуального сопоставления

Табл. 3. Количественное распределение наконечников стрел и костей диких животных по периодам

Периоды	Число памятников	Число наконечников стрел	Наконечников из расчета на один памятник	В % от выборки	Дикие животные. Число памятников	Среднестатист. на один памятник в %
1	2	3	4	5	6	7
Прекукутень-Триполье А	22	30	1,36	3,93%	16	44,3%
Кукутень А-Триполье В1	41	445	10,85	58,40%	7	33,1%
Кукутень АВ-Триполье В2	23	165	7,17	21,65%	11	29,8%
Кукутень В-Триполье С1	23	73	3,17	9,58%	18	29,12%
Хор./Фолтешть-Триполье С2	19	49	2,57	6,43%	15	35,7%
ВСЕГО	128	762		100%	67	

Граф. 8. Количественное распределение наконечников стрел по периодам.

считаем целесообразным привести эти данные. Может, кому и пригодится.

В случаях, когда число наконечников в публикациях указано в относительных числах (единичные, несколько, очень много, менее полсотни и пр.), такие данные переведены условно в абсолютные числа, которые, однако, взяты в скобки. Если при публикации материалов многослойных памятников не указана послышная привязка наконечников, то их число поровну поделено по слоям.

И еще две оговорки. Для памятников раннего периода культуры Прекукутень-Триполье А свойственны наконечники стрел в форме подромбовидных микролитов, на которые впервые обратил внимание В.И.Маркевич (1974: 32, Рис.1,1-19). Данные (неполные) об этих наконечниках включены в Приложение 1, столбец 5, и приводятся в сопровождении аббревиатуры «т», но в дальнейших расчетах не учитываются. Это объясняется тем, что их функциональное определение носит интерпретированный характер, а нас интересуют бесспорные, очевидные формы.

И последнее. В эту нашу выборку не включены данные по позднетрипольским могильникам, зачастую содержащие наконечники стрел (Усатово, Софиевка, Чернин и др.). Объясняется это тем что, как известно, могильники характерны только для позднего периода культуры и сопоставление их данных с поселенческими материалами неправомерно или же требует специальной корректировки.

Сводные данные о численности наконечников стрел, представляющих их памятниках и их распределении по разновременным периодам культуры представлены на Таблице 3.

Думаю, эти цифры и приводимые расчеты достаточно показательны.

Период Прекукутень-Триполье А — практически полное отсутствие наконечников стрел. На каждый учтенный памятник в среднем приходится 1,36 наконечника (Табл.3, столб.4). А между тем, в эту выборку включены многие почти или полностью раскопанные памятники, каждый из которых дал по несколько сот (Александровка 1, Гребенюков Яр, Окопы, Путинешть I, Тыргу-Фрумос, Траян-Дялул Вией), а в ряде случаев

— от одной до более четырех тысяч (Ленковцы, Лука Врублевецкая, Флорешть I, Бернашовка) кремневых изделий (См.: Приложение 1).

Период Кукутень А-Триполье В1 — резкое количественное возрастание численности наконечников стрел, составляющих в среднем на один памятник по 10,85 единиц, или около 60% от всей выборки (Табл. 3, столб. 4,5).

Период Кукутень АВ-Триполье В2 — относительно резкое сокращение численности наконечников стрел, составляющих в среднем 7,17 единиц на каждый памятник или 21,65% от всей выборки (Табл. 3, столб. 4,5).

Период Кукутень В-Триполье С1 и период Хородиштя-Фолтешть-Триполье С2 — постепенное последовательное уменьшение численности наконечников стрел (Табл.3, столб. 4,5).

Для наглядности, количественное распределение наконечников стрел по периодам культуры дано на Графике 8. Сравним визуально этот график с графиками количественного распределения ранее рассмотренных культур: графики 1-7, и мы увидим, что все они для первых трех периодов обнаруживают единую тенденцию — слабо выраженные качества для периода Прекукутень-Триполье А; резкое его количественное увеличение в период Кукутень А-Триполье В1, затем относительно резкое его сокращение в последующем периоде — Кукутень АВ-Триполье В2.

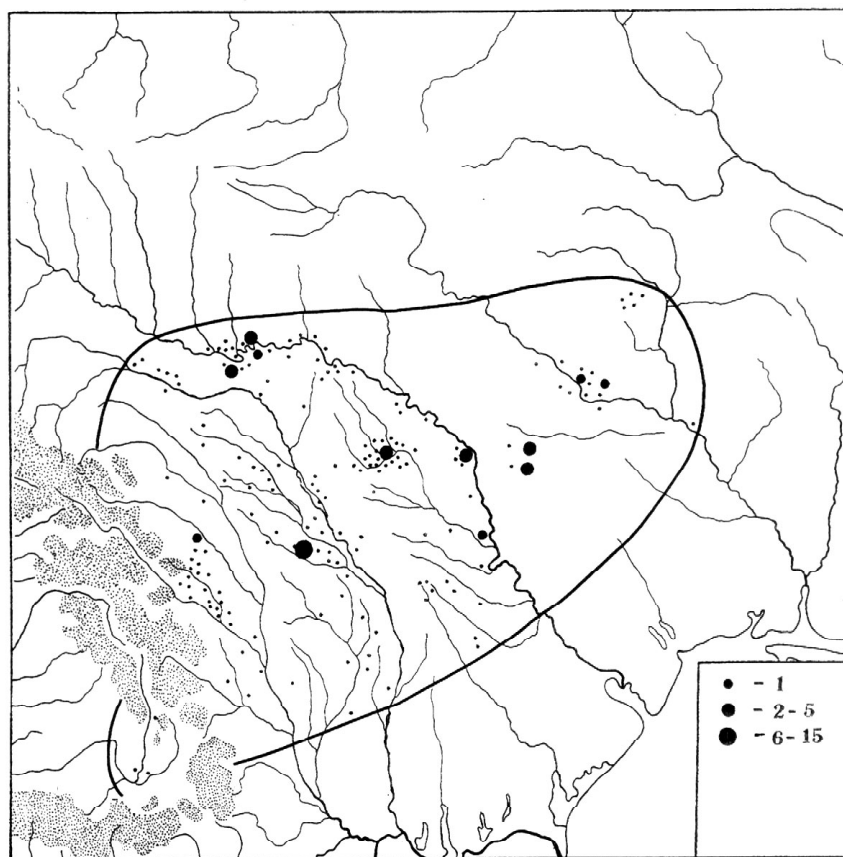
Единство тенденций означает, что эти качества коррелируют между собой. А если обратиться к исходной сформулированной нами задаче, то это означает, что, как и предшествующие качества, наконечники стрел характеризуют культуру периода Кукутень А-Триполье В1 как культуру глубоко «военизированного» общества. Причем, состояние это не характерно ни для предшествующего, ни для последующего периода этой культуры.

Заметные различия обнаруживаются при сопоставлении графика (8) количественного распределения наконечников стрел в сравнении с количественным распределением иных культур — Графики 4-7 — применительно к последнему — позднему периоду культуры. Здесь я себе позволяю две ремарки. Во-первых, не следует забывать, что нас в данном случае интересуют именно первые три периода. Этим напоминанием автор мог бы отказаться от любых возможных объяснений. И был бы прав.

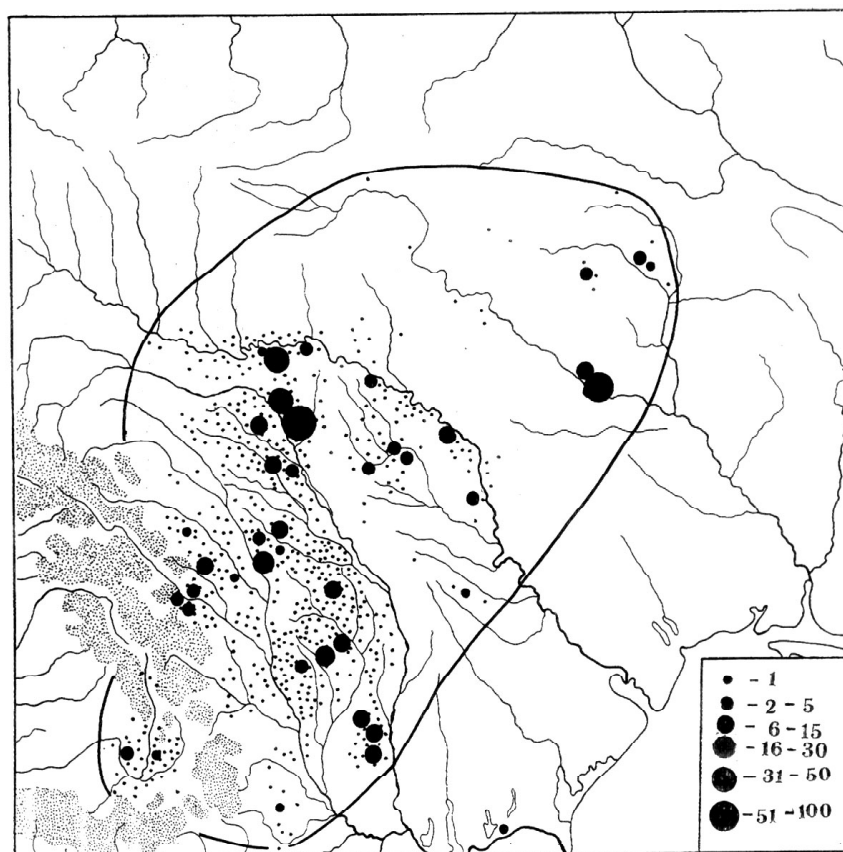
Но, если говорить по сути, вопрос принципиальный, ибо при резком разрастании естественно и искусственно укрепленных поселений в поздний период культуры (Графики 4-7) одновременно наблюдается заметное сокращение численности наконечников стрел (Граф. 8). Нет ли здесь какого-то методического противоречия? Думаю, что нет, если учесть несколько важных обстоятельств.

Период Кукутень А-Триполье В1 — это один из ранних этапов эпохи энеолита. Период Хоро-

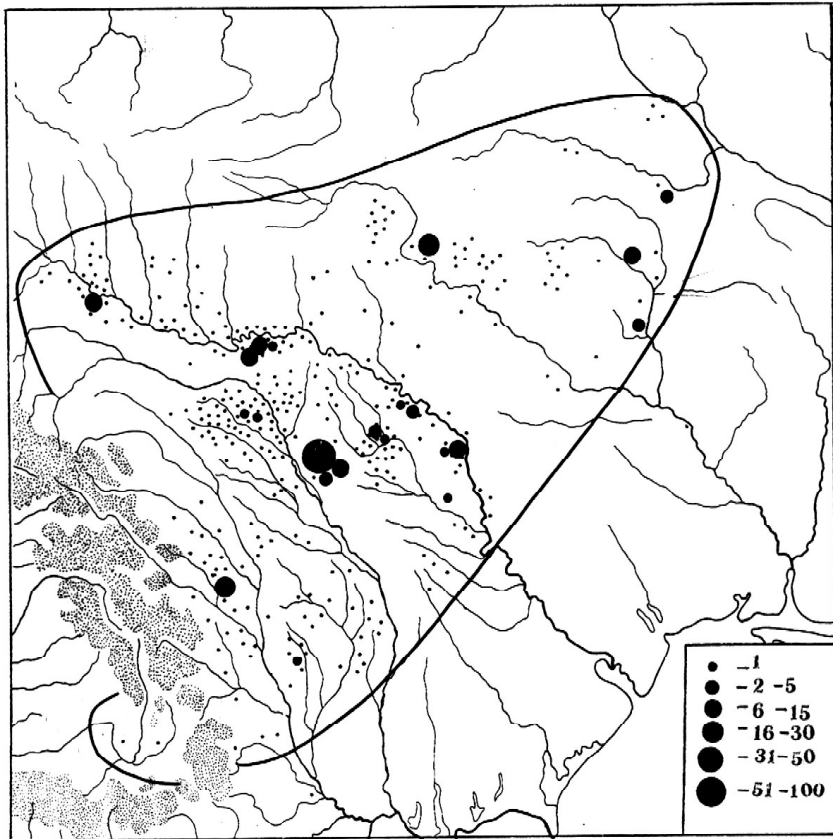
Карта 21. Период Пре-кукутень-Триполье А. Поселения с наконечниками стрел.

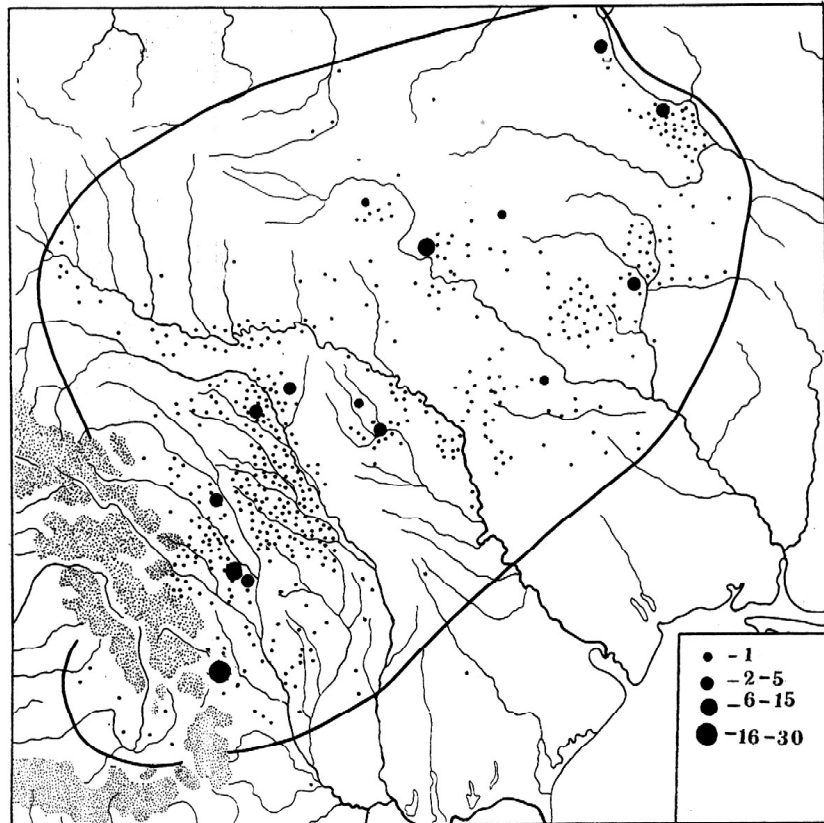
Карта 22. Период Кукутень А — Триполье В1. Поселения с наконечниками стрел.

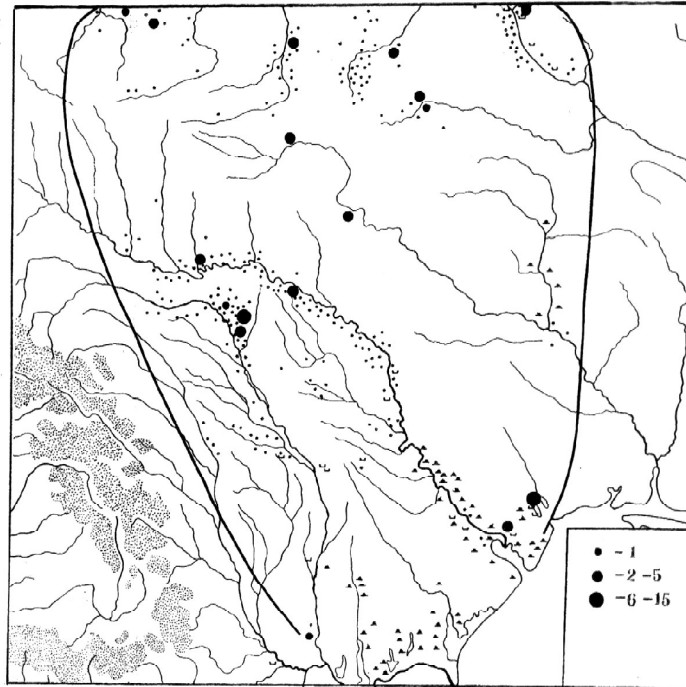
Карта 23. Период Кукутень АВ — Триполье В2. Поселения с накопниками стрел.

Карта 24. Период Кукутень В-Триполье С1. Поселения с накопниками стрел.

Карта 25. Период Хородиштя-Фолтешть-Триполье С2. Поселения с наконечниками стрел.

диштя-Фолтешть-Триполье С2 — это ранний период эпохи бронзы. Мы имеем дело с культурами и обществами двух различных исторических эпох, что предполагает качественные отличия не только по набору орудий труда, но и по средствам и тактике ведения войны.

Основные, базовые элементы фортифицированных поселений как средства защиты носят как бы общеисторический характер. Единжды возникнув в эпоху энеолита, они без существенных изменений практиковались до весьма неотдаленных времен. Да, различной была толщина или высота стен, различной была техника и технология их сооружения, различным было внутреннее обустройство, но на протяжении всей истории они неминуемо включали в себя такие базовые элементы, как естественно укрепленное место (высотное или окруженное петляющей рекой и пр.); глубокий ров или вал, отделяющие естественно укрепленное место от открытой, доступной местности; стены из часто-

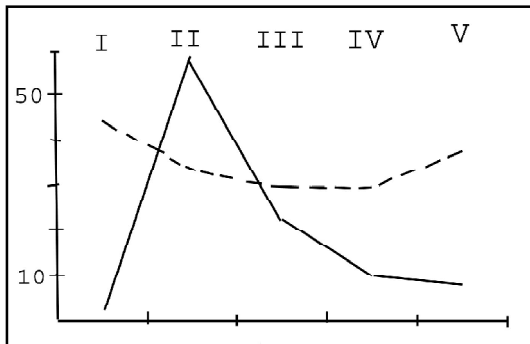
кола или камня, защищающие отгороженное место с отдельных опасных сторон или по всему периметру.

Иное дело средства ведения войны, которые постоянно совершенствовались по мере совершенствования самого комплекса орудийного производства. Применительно к нашему случаю, в подтверждение сказанному, можно сослаться на целый набор новых видов оружия, в массе появившегося в позднем периоде рассматриваемой культуры. Я имею в виду боевые, вне сомнения, топоры из рогов оленя с тщательно отделанной поверхностью, с имитацией литейного шва, костяные кинжалы, десятками (многими десятками) встречающиеся на каждом из укрепленных поселений (при единичности кремневых наконечников стрел) позднего Триполья (Маркевич 1981: 90 и след.). Подтверждением тому является также относительно широкое внедрение в этот период металлических (медные или из мышьяковистой бронзы) кинжалов, сполна представленных на памятниках Софиевского или Усатовского типов.

Глубоко убежден, что отмеченные обстоятельства неминуемо связаны и с изменившимися (по сравнению с периодом Кукутень А-Триполье В1) правилами ведения войны или тактикой боя. Но о них мы ничего не знаем, и кто возьмется всерьез разрабатывать эту тему? Однако мы сильно отвлеклись.

Обратимся к пространственному проявлению тех же наконечников стрел. На Картах 21-25 скартированы все выбранные нами наконечники стрел. Для усиления наглядности их локализации, количественные показатели переданы разномасштабными значками.

Нет необходимости подробно комментиро-

Граф. 9. Количественное распределение (в процентах) наконечников стрел (сплошная линия) и костей диких животных (прерывистая линия) по периодам.

вать эти карты, так как они самостоятельно подтверждают те же закономерности, что и данные по естественно или искусственно укрепленным поселениям (Карты 6-10) или по данным топонимики (Карты 11-15).

Период Прекукутьень-Триполье А — редкие находки наконечников, разбросанные по всему ареалу (Карта 21), — орудия охоты мирного периода.

Период Кукутень А-Триполье В1 — местонахождения с многочисленными экземплярами, концентрирующимися по всей восточной периферии ареала (обращенной к степной зоне!) и, в особенности, в Карпато-Прутской зоне (Карта 22), т.е. в зоне наибольшей концентрации естественно и искусственно укрепленных поселений (Карта 17). Каков вывод? Состояние войны, угроза со стороны степей, наконечники стрел — одно из главных средств войны.

Период Кукутень АВ,В-Триполье В2,С1 — относительно редкие местонахождения с малым числом наконечников, относительно равномерно разбросанных по всему ареалу (Карта 23, 24) — мирная ситуация, наконечники — орудия охоты.

Финальный период культуры (Карта 25) — редкие местонахождения с малым числом экземпляров, но в зонах сосредоточения естественно и искусственно укрепленных поселений (Карта 20). Военная ситуация, наконечники стрел — одно из орудий войны.

Обращаем внимание, что прокомментированные карты включают весьма ограниченные выборки. Иными словами, они лишь намечают тенденцию, которая выглядела бы гораздо очевиднее, если увеличить выборки (правила статистики).

На всем протяжении этого параграфа, в особенности, когда речь шла о периоде Кукутень А-Триполье В1, мы писали о наконечниках стрел как об оружии или орудиях войны. Правоммерно ли такое утверждение, ведь зачастую они трактуются, главным образом, как орудия охоты? Этого мнения, в частности, придерживается и один из ведущих специалистов-трассологов Г.Ф.Коробкова (1987: 173 и след.). Можно ли проверить это положение? Можно.

Элементарная логика подсказывает, что в случае, если наконечники стрел выступали, главным образом, в качестве орудия охоты, то резкие количественные колебания этих изделий обязательно должны отразиться в колебаниях численности остатков дикой палеофауны — объекта охоты. Благо, таких определений мы имеем достаточно.

Данные о численности (в процентном отношении) дикой палеофауны с памятников культуры Прекукутьень-Кукутень-Триполье даны в Примечании 1, столбец 6, с соответствующими литературными расшифровками (столбец 7). Как и прежде, здесь мы следовали принципу максимального охвата всех периодов культуры

и всех ее территорий. Сводные данные о численности привлеченных нами памятников и среднестатистические данные о численности дикой палеофауны по каждому из периодов рассматриваемой культуры представлены на Таблице 3, столбцы 6-7.

Сравним среднестатистические данные о численности дикой палеофауны по периодам (Таблица 3, столбец 7)¹⁷ с процентным соотношением численности наконечников стрел (Таблица 3, столбец 5). Для наглядности эти противопоставления оформлены графически — График 9. Как следует из этого графика, количественное распределение наконечников стрел и численность дикой палеофауны демонстрируют две противоположные тенденции. Особенно это наглядно на уровне первых трех интересующих нас периодов, когда резкое увеличение численности наконечников стрел на переходе от периода Прекукутьень-Триполье А к периоду Кукутень А-Триполье В1 сопровождается заметным резким сокращением численности костей дикой фауны. Эти различия хорошо просматриваются и на переходе от периода Кукутень А-Триполье В1 к периоду Кукутень АВ-Триполье В2, когда продолжающееся медленное сокращение численности костей дикой фауны совпадает с одновременным резким сокращением численности наконечников стрел.

Из выявленных соотношений этих двух качеств с необходимостью напрашивается один единственный вывод — резкое увеличение численности наконечников стрел в период Кукутень А-Триполье В никак не связано с изменениями хозяйственной деятельности носителей этой культуры. Единственно возможное альтернативное объяснение — наконечники стрел, по крайней мере, для рассматриваемого периода, выступают в качестве оружия или иными словами — орудием войны.

Между тем, о функции рассматриваемых здесь изделий и их широком применении в военных целях нагляднее всего свидетельствует конкретный пример из той отдаленной эпохи. Речь идет о небольшом участке раскопанного Н.В.Рындиной поселения периода Триполье В1 у с.Друцы в Молдове, где были выявлены остатки трех различных жилищ и 100 кремневых наконечников стрел. Так вот, благодаря точной фиксации и составленной планиграфии, выяснилось, что, за единичными случаями, все наконечники найдены по периметру жилищ, вдоль стен (Рындина/Энговатова 1990: 110. Рис.2). И эта картина, которую мы приводим с некоторыми сокращениями, говорит сама за себя (Рис.2).

¹⁷ Эти данные самостоятельно выведены В.О.Круц (1998: 141. Табл.6). При некоторых отличиях, обусловленных различиями в охваченных памятниках (нами учтен ряд новых данных по Молдове и Румынии), наши расчеты и расчеты В.О.Круц обнаруживают одну и ту же тенденцию.

* * *

Итак, мы проанализировали четыре относительно автономных вида источников — общий фонд памятников, фортифицированные поселения, топонимику и наконечники стрел. Следуя пространственно-временному анализу каждой из этих категорий и всех вместе взятых, выявляется, что, действительно, в период Кукутень А — Триполье В эта культура и ее носители, во первых, испытали на себе какое-то сотрясение, приведшее к временному кризису культуры на последующем этапе (период Кукутень АВ-Триполье В2) ее развития, и во-вторых, это сотрясение сопряжено с каким-то нашествием со стороны, и, в-третьих, последствия этого разрушительного нашествия более всего прослеживаются на южной (низовья Сирета и Прута — Карта 2,3; 7,8; 12,13; 17,18) или юго-восточной периферии культуры (Карта 22), т.е. в зоне, обращенной к степям Восточной Европы. И главное, по отдельности или в сумме, все эти данные подтверждают идею М.Гимбутас об испытаниях, выпавших на долю носителей культуры в рассматриваемый период.

Предложенный анализ можно было бы продолжить и применительно ко многим из категорий орудийного комплекса и комплекса оружия (включительно металлических); и применительно к символике боевого оружия (глиняные модели боевых топоров); и применительно к кера-

мике, в частности, керамике с примесью ракушки; и применительно к погребальному обряду — так называемые культовые захоронения; и применительно к культовой антропоморфной пластике, в частности мужских статуэток и символике мужского начала — фаллосы; и применительно к украшениям (подвески из раковин *Unio*, роговые подвески с ушком — так называемые псалии,¹⁸ и многие другие). Иначе говоря, речь идет обо всех основных категориях археологических источников, отражающих материальную, духовную и социальную жизнь носителей культуры Прекукутень-Кукутень-Триполье.

Так вот, если бы продолжить углубленный анализ всех этих категорий, то мы обнаружим те же тенденции, те же закономерности, что и проанализированные выше категории. Ибо потрясения и последствия этого военного нашествия были столь значительными, что они, действительно, отразились на всем облике этой культуры, материализовавшись во всех и каждой из присущих ей категорий археологических источников. Поэтому, если приведенные мною примеры не убеждают, остается лишь призвать желающих проверить мои выводы на названных категориях. Желательно лишь, чтобы эта проверка хотя бы приближенно основывалась на принципах жесткой процедуры, а не на голых декларациях.

Визитная карточка непрошеного гостя

В предшествующих параграфах автор, надеюсь, сумел обосновать, что культура периода Кукутень А-Триполье В1, действительно, испытала на себе какое-то потрясение (анализ общей динамики развития культуры) и что это потрясение определенно вызвано каким-то внешним нашествием (анализ фортификационных поселений, топонимики и наконечников стрел) и что как будто бы эта угроза исходит со стороны степной зоны (все категории). Следуя логике, пора бы окончательно определиться с вопросом, кто же были носители этой внешней угрозы, носители войны?

Здесь можно было бы позволить себе некоторые общие рассуждения о вполне очевидных для автора обстоятельствах. Но будем конкретными, с одной только оговоркой.

К сожалению, отведенное время и объем этой «статейной» работы не дают возможности детального изложения анализа и аргументации. Поэтому я вынужден, как и многие другие, перейти на повествовательный стиль. Но с той лишь разницей, что изложенные ниже утверждения выношены в результате многолетнего анализа разных материалов, а не предшествуют ему.

В качестве «визитной карточки» непрошенных

гостей я бы назвал следующие основные категории или разновидности материалов.

1. Оружие в целом как самостоятельная категория со всеми ее составляющими, которое изготовлялось в степных и лесостепных зонах Восточной Европы еще на раннем этапе энеолита (Мариупольская культурно-историческая общность), и большинство конкретных типов которого распространяются в ареале культуры Кукутень А-Триполье В1 вместе с инвазией степных племен или же воспринимаются раннеземледельческой культурой в целях самозащиты. Назовем лишь некоторые из них достаточно стандартные наконечники стрел или дротиков удлинненно-треугольной формы с прямым основанием; длинные кремневые ножи-пластины; топоры подтреугольной формы с закругленным обушком; каменные булавы — крестовидные — мариупольского типа — Карта 26, 4, но возможны и иные формы; дротики с прорезными кос-

¹⁸ Попутно отмечу, что использование этих роговых изделий в качестве псалиев исключается, так как при измерениях выяснилось, что отверстия ушек обычно не превышают трех миллиметров и никакие, даже специально обработанные, кровеносные сосуды или сухожилия не выдержали бы предполагаемой нагрузки.

Карта 26. Находки степных восточноевропейских изделий в ареале культуры Сисутени-Триполье. 1 — схематические скипетры (1 — Могошешть, 2 — Руджиноаса, 3 — Бырлэлешть, 4 — Обыршень, 5 — Жора де Сус, 6 — Березовская ГЭС); 2 — реалистические скипетры (7 — Феделешень, 8 — Фитионешть, 9 — Ариушд, 10 — Суворово); 4 — крестовидные булавы мариупольского типа (3 — Бырлэлешть, 6 — Березовская ГЭС, 11 — Радоая, 12 — Веремье); 5 — ареал культуры периода Кукутень А-Триполье В1; 6 — ареал культуры периода Кукутень АВ-Триполье В2.

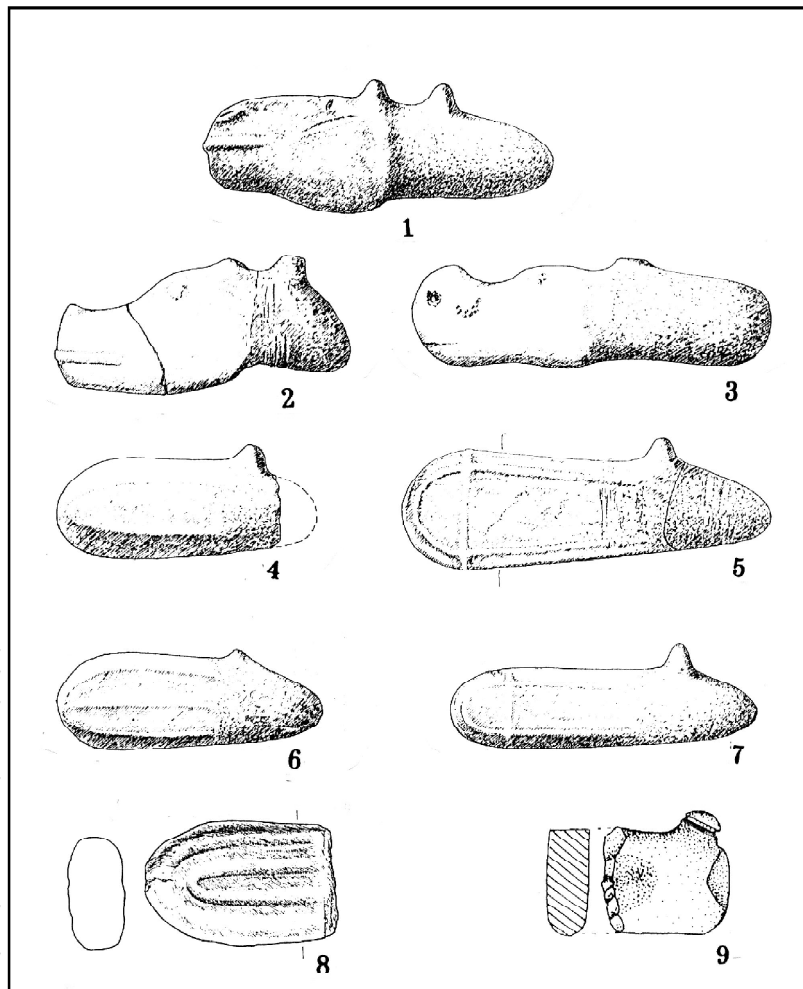
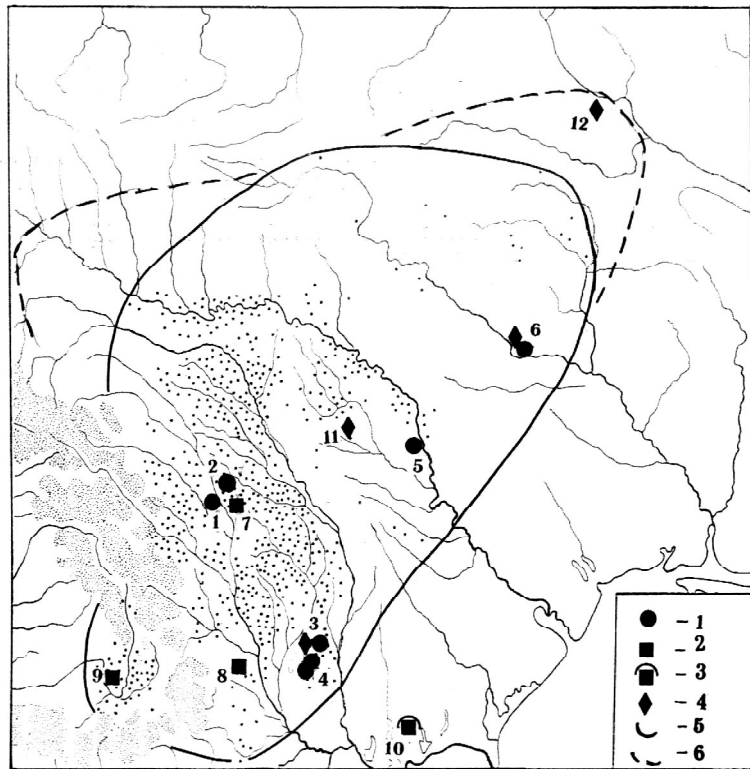

Рис. 3. Зооморфные скипетры в виде голов лошади из ареала культуры Кукутень А — Триполье В1 (кроме 1).

1 — Суворово, 2 — Феделешень, 3 — Фитионешть, 4 — Бырлэлешть, 5 — Могошешть, 6-7 — Обыршень, 8 — Жора де Сус, 9 — Руджиноаса. (1-8 — по Govedarica B., Kaiser E.; 9 — по Mantu C.-M.)

тяными наконечниками с кремневыми вставками типа Дереевки или Джурджулешть и иные.

2. Конечно же, скипетры (схематические и реалистические), которые, несмотря на их количественное преобладание в раннеземледельческом ареале, включительно Кукутень А-Триполье В1 (Рис.3, Карта 26, 1-3), вне сомнения, происхождением связаны со степной зоной, ибо они символизируют лошадь, причем взнузданную верховую лошадь. Подчеркиваю это обстоятельство, так как для обоснования этого положения вовсе не обязательно заглядывать «в рот» дереевской лошади, вызвавшей столько бесплодных дискуссий.

3. Визитной карточкой степных или лесостепных восточноевропейских племен сама по себе является керамика с примесью ракушки, которая впервые появляется в период Кукутень А-Триполье В1, а затем внедряется в керамический комплекс последующих этапов развития этой культуры. Можно оспаривать конкретные истоки этой керамики — среднестоговские или скелянские (по Ю.Я.Рассамакину), но они откуда — восточноевропейские, степные или лесостепные.

4. Погребения в вытянутом положении, появившиеся «неожиданно» в период Кукутень А-Триполье В1 (Скынтея) и встречающиеся впоследствии на более поздних этапах (Траян, Не-

звиско, могильник Чапаевка), и которые по антропологическим данным обнаруживают сходство с восточноевропейскими днепро-донецкими или мариупольскими материалами.

5. Антропоморфные мужские статуэтки и фаллосы, которые появляются в самом конце раннего периода культуры, в массе — в период Кукутень А-Триполье В, а затем встречаются и на последующих этапах и, которые определенно символизируют мужское начало или патриархальные отношения, изначально свойственные степным скотоводческим обществам.

6. Специфичные украшения из раковин *Unio* — тип Мариуполь, Деча Мурешулуй, которые не следует путать со сходными подвесками, свойственными культурам энеолита или ранней бронзы Венгрии или Польши.

7. Возможно, со временем в этот список можно будет включить и ранние свидетельства колесного транспорта (Пурикань и др.), о которых в последней из посвященных этой теме статье почему-то ничего не сказано (Bakker и др. 1999).

Думаю, что если даже отбросить последний пункт, данных для утверждения, что военная инвазия связана со степными скотоводами Восточной Европы предостаточно. Спросите только материал, и он вам ответит. И, по сути, получится, что М.Гимбутас была права.

Этюд 2. О ПОБЕДИТЕЛЯХ (следует)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
Сводные данные о памятниках культуры Precucuteni-Cucuteni-Триполье.

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фор-тификации	Нако-нечни-ки стрел	Кост дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
ПРЕКУКУТЕНЬ — ТРИПОЛЬЕ А						
1	Александровка	-	-	2/		Сов.Археология. 1.1978.15
2	Александровка 1	-	-	0/601		АИМ(1970-71) 1973. 52
3	Багринешть VII	-	-	0/114		АИМ (1986) 1992. 45
4	Бернашовка	-	-	0/ 4452	59,2	Коробкова 1987
5	Берново-Лука	-	-	3/752	59,3	Збенович 1989.60
6	Бэдень*	Мов. Грэдишт	?			Marinescu-Bîlcu 1974. 154
7	Вэлень*	Четэцуя	?	0/		Marinescu-Bîlcu 1974. 47
8	Голеркань	-	-	1/	58,1	Пассек 1961.75
9	Гребенюк. Яр.	-	-	1m/568		Шмаглий,Видейко.1987. 91
10	Греновка	-	-	1/		АП УРСР. IV. 1952.89
11	Кормань	-	-	-	56,8	Археология..4.1998.140
12	Костиша*	Четэцуя	?			Marinescu-Bîlcu 1974.157
13	Кошерница I	-	-	2m/319	15	АИМ (1986) 1992. 28
14	Ленковцы	-	-	1/1550	48,3	Збенович 1989. 60
15	Лука Врублевецкая	-	-	50437	53,4	Збенович 1989. 60
16	Окопы	-	-	0/800	38,1	Збенович,Шумова.1989.99
17	Перерыга*	Замка				Маркевич 1973. N 22
18	Подурь*		?			Materiale. XIV.1980.86
19	Путинешть I	-	-	0/ 730	49,8	АИМ (1970-71) 1973. 58
20	Пятра Шоймулуй Калу*	Хородиште	?			Marinescu-Bîlcu 1974.156
21	Рогожень I	-	-	6m/	45,6	АИМ (1972) 1974.26
22	Русештий Ной*	-	-	(2)/	38,8	КСИА 123.1970. 56
23	Сабатиновка II	-	-	1/590	48,8	АП УРСР. 4.1952. 89
24	Солончень I	-	-	4/	46,6	Пассек 1961.61
25	Траян — Дялуп Вией	-	+	0/244	29,4	Paunescu 1970. 168
26	Тыргу-Фрумос	-	-	10/603		Arh. Moldovei.17.1994. 157
27	Тырпешть*	-	+	1/	13,8	Marinescu-Bîlcu 1974.47
28	Флорешть I	-	-	2+3m/ 2450	47,9	Коробкова 1987.260
	ВСЕГО -28	5	+ - 2 ? - 5	30/с 22 пам-ков	16/44,3	
КУКУТЕНЬ А — ТРИПОЛЬЕ В1						
29	Алдешть	-	+			Monah, Cucuș 1985. N 7
30	Алексэндрень IV	-	-	-3		Маркевич 1973. N227
31	Ариушд*		+	2/		László 1993. N2.2
32	Бадраджий Векь IX	Остров	+			Маркевич 1973. 59
33	Бадраджий Ной II.	-	+			Маркевич 1981. 72
34	Березовская ГЭС	-	-	51/381	50,6	МАСП 7.1971.187
35	Берлинцы*	Скала Мот				Sorokin 1997.IV.3
36	Биказ	-	-	2/		Materiale 8. 1959. 53
37	Биксад	Четатя Сеа	+			László 1993.N 2.3
38	Блага	Ла Четате				Monah,Cucuș 1985. N108
39	Бод	Горган				Monah,Cucuș 1985. 117
40	Бодешть, Фрумушика*	Четэцуя	+	(9)/		Mătasă 1946

* — многослойные памятники

Приложение 1 (продолжение)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
41	Божура	-	+			Monah,Cucos 1985. N 35
42	Бонцешть		?	1		Dacia 3-4.1927-1932.. 95
43	Борлешть*	Капул Дялулуй	?			Monah,Cucos 1985. N134
44	Борлешть*	Четэцзя				-" N 136
45	Борошнеул Мик	Четатя Б.	+			Laszlo 1993 N 2.4
46	Боурень*	Мэгура Ч.				Monah,Cucos 1985. N 152
47	Брад	Четэцзя				Monah,Cucos 1985.N 155
48	Бричень I	Л.Гора	?			Маркевич 1973. N 2
49	Брынзень IV *	-	?			Sorokin 1997.XVIII.4.3
50	Бутешть I	Риф	+			Макевич 1981. 70
51	Бухалница*	Четэцзя	?			Monah,Cucos 1985 .N 176
52	Бухэчень	Холм				-" N 177
53	Бырлэлешть	Четэцзя				Monah,Cucos 1985.N 97
54	Бырлэлешть, Стурдз	-	+	13/		Coman 1980.XXVIII.9
55	Бэдень	Дялул Грэдиштей				-" N 49
56	Бэлтень Д.Чир.	-	?	7/		Maxim -Alaiba,Marin.1987-89.226
57	Бэлций Ной 1.	-	-	-5		Маркевич 1973. N 237
58	Бэчешть	Киск				Monah,Cucos 1985 .N 41
59	Бэчешть	Писк. Чорхан				-" N44
60	Васильевка	-		(3)/		Збенович,Шумова. 1989.101
61	Вермешть*	Четэцзя	?			Monah,Cucos 1985.N1116
62	Вила Яруская	Щовб				Sorokin 1997. X.XII.43
63	Вылчеле	М.Четэций				-" N 1121
64	Вэлень*	Четэцзя	?			Monah,Cucos 1985.N1106
65	Гавриловцы	Стынка				Sorokin 1997. Н.VIII.5
66	Гелэешть, Нед.*	Коада Писк				Monah,Cucos 1985.N440
67	Георге-Георгиу-Деж*	Ла Четэцуе				-" N 441
68	Городница*	Городище	?			Кравець.1954. 49
69	Гырбешть	Четэцзя				-" N 469
70	Дарабань*	Замчиско				Sorokin 1997. В. II.3
71	Доамна	-	+			Monah,Cucos 1985.N 340
72	Добосень*	Коада Дял	?			-" N 343
73	Домэнешть-Сат	Четэцзя				-" N 353
74	Друцы I	-	?	100/65 2		Рындина,Энговатова.1990. 108
75	Дрэгушень*	Остров	+	15/65		Crismaru 1987.17
76	Дуруитоаря I	-	?	-45		МИАЭ МССР 1964. 265
77	Ербичень	-	+			Monah,Cucos 1985. N398
78	Ербичень ын Куркан	Курган	+			-" N 399
79	Жора де Сус	-	-	3/104		Сорокин 1991. 20
80	Заподия	Ла Мовилэ	-	-		Monah,Cucos 1985.N1148
81	Зарубинцы	-	-	16072		Коробкова 1987.264
82	Иджешть	-	-	11018		Coman 1980. 76
83	Извоаре II*	-	-	3/		Vulpe 1957.223
84	Илисень	Ла Холм				Monah,Cucos 1985.N 572
85	Каплевка I	Лысый Горб	?			Sorokin 1997 В. II.4
86	Комарив-Стривка	-	?	1		Пассек 1961.23
87	Концешть	Четэцзя	?			-" N 249

Приложение 1 (продолжение)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
88	Костешть	-	?	1/		Dacia 7-8.1937-1940. 73
89	Костиша*	Четэцуя	?			Monah,Cucoş 1985.N 266
90	Красноставка	-	-	45689		Коробкова 1987. 265
91	Куконештий Векь	-	+			Маркевич 1981.72
92	Кукутень В.*	Четэцуя	+		23	Monah,Cucoş 1985 N 303
93	Кукутень В.*	Димбул Б.	+	14/		Bib.Mem.Antiqvitas 2.1996.305
94	Лет*	Дялул Четэций	?			Monah,Cucoş 1985.N 589
95	Малнаш	Кулме Н.	+			László 1993 N 3.1
96	Мастакан	Мэгура				Monah,Cucoş 1985. N 628
97	Мерешовка*	Четэцуе	+	(2)/		АИМ (1979-80) 1983.102
98	Мирное	-	-	1/		Бурдо,Станко. 1981.21
99	Мирчешть	Делул Маре	?			Monah,Cucoş 1985. N 659
100	Миток*	Ла Киск				Monah,Cucoş 1985.N663
101	Мэгуреле	М.Мэгурей				Маркевич 1973 N 125
102	Мэнэстиоара*	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985.N 637
103	Мэрджинень*	Четэцуя	+			Materiale. 13. 1979. 79
104	Обыршень	Четэцуя	+			-"- N 715
105	Обыршень, Стухарие	-	-	(30)/		Coman 1980. 270
106	Олтенъ	Четатя Ф.	+			László 1993 N 2.7.2
107	Олтенъ	Д. Четэций	+			-"- N 2..7.1
108	Олтенъ	-	+			-"- N 2.7.3
109	Оноприевка	-	-	1/		Полевой Семинар - 1. 121
110	-"- Панское Кр.		+			АО (1974)1975.327
111	Перерыта*	Замка				Sorokin 1997. IV. 20.1
112	Перковцы	Мотуз	?			Sorokin 1997.V.III.15
113	Перкю*	Мэгура	?			Monah,Cucoş 1985.N 760
114	Печера*					АСГЭ 1. 1959. 166
115	Подурь*	-	?			-"- N 794
116	Поенешть	Мэгура	?			-"- N 806
117	Покряка*	Четэцуя	+			-"- N 783
118	Поливанов Яр		+	47/583		Пассек 1961. 105
119	Пояна ку Четате	Ла Четате	+			-"- N 800
120	Преутешть	Четэцуя	+			-"- N 823
121	Преутешть, Дялул Стоуешть	-	-	3/		Suceava 8. 1981.173
122	Прэжешть	Пе Тапсан				Monah,Cucoş 1985.N 822
123	Путинешть II*	-	-	(3)/		Sorokin Отчет.1990; 1997.63
124	Путинешть III	-	-			-"-
125	Пынчешть	Ла Четэцуе				-"- N 758
126	Пырковач	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985.N 774
127	Пэринча	Гытул Г.	+			Monah,Cucoş 1985. N 746
128	Пэулень-Чук	Дялул Четэций	+			-"- N 759
129	Пятра Шоймулуй Калу*	Хородиштя	+	2/		Dacia 7-8. 1937-1940. 15.47
130	Рафаилэ*	Ла Шанцурь	?			Cihodaru 1934.4
131	Редиу Алдень	Холмул М.				-"- N 881
132	Руджиноаса	-	?	(5)/55		Dacia .3-4.1927-1932.56
133	Русень*	Ла Стынчъ				Monah,Cucoş 1985. N 898
134	Русештий Ной*	-	-	(1)/	31,8	КСИА 123. 1970.140;
135	Рэдэшень*	Четэцуя	+			Monah,Cucoş 1985. N 846

Приложение 1 (продолжение)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
136	Рэучешть*	Мунтень	?			"- N 857
137	Сабатиновка I*	-	-	(3)/	30,8	АП УРСР. 4.1952 .83
138	Садовень*		?			Monah,Cucoş 1985.N 902
139	Сату Ноу	С. Четэций				"- N 905
140	Скинень	Ла Четэцуе				Monah,Cucoş 1985.N 914
141	Скынтея	-	-	8/289	10,4	Arh. Moldovei. 18.1995.115
142	Слобозия*	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985. N 944
143	София III	-	+			Sorokin 1997.XVI. 19.1
144	Сохород	Суб Четэцуе				"- N 958
145	Стэучень	Холм				Monah,Cucoş 1985. N 971
146	Сулица	Дялул Кискулуй	?			"- N 987
147	Сучава	Четат/Замка				"- N 985
148	Сфынтул Георге	Четатя Ч.	+	1/		László 1993. N 2.1
149	Топиле	-	+			"- N 1040
150	Тофля	Четэцуе				Monah,Cucoş 1985.N1036
151	Трушешть*	Tugeta	+	15/205	49,3	Păunescu 1970.185
152	Тыргу-Берешть	-	-	8/		Dragomir 1996.85
153	Тырпешть*	-	+	1/		Marinescu-Bilcu 1974.47
154	Урекешть	-	?			Monah,Cucoş 1985.N 1086
155	Феделешень	-	-			SCIV. 5. 1954. 542
156	Фелдиоара*	Дялул Четэций				Monah,Cucoş 1985. N 416
157	Фитионешть*	Четэцуя				"- N 417
158	Фрумоаса	Четэцуя Т.				"- N 429
159	Фунду Херцей*	Ла Редута	?			"- N 432
160	Хородка I	Четэцуя	?			Маркевич 1973. N 310
161	Хэбэшешть*	Холм	+	17/400		Hăbăşeşti 1954
162	Цигэнешть*	Четэцуя	?	2/		Arh.Moldovei.6.1969.256; Carpica 25.1994. 9
163	Ципордей I	-	-	(10)/		Маркевич 1973. 116
164	Чернат*	Димбул Б.	+			László 1993 N 2.5
165	Четэцуя	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985. N 212
166	Шербешть	-	-	1/		Arh. Moldovei. 6. 1969. 222
167	Шкаровка	-			35,7	Археология. 4. 1998. 140
168	Яссы	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985. N 554
	ВСЕГО -140	90	+ - 40 ? - 32	445/с 41 пам-ков	7/ 33,1%	
КУКУТЕНЬ АВ — ТРИПОЛЬЕ В2						
1	2	3	4	5	6	7
169	Александровка II	-	-	1		Маркевич 1973. N 183
170	Александру чел Бун	-	-	1		Маркевич 1973.84
171	Андриивка	-	-	-	26,7	Археология.4.1998.140
172	Бабино	-	?	10/105		АП УРСР. VI.1956.145
173	Борлешть*	Дл. Четэцуя				Monah,Cucoş 1985.N 136
174	Брад*	Четэцуя				"- N 155
175	Веселый Кут	-	-	6/346		Коробкова 1987.270
176	Вишенки II	-	?			"-
177	Вишенки I	-	?			Гусев 1995.Рис.1. N 15
178	Владимировка	-	-	3/	18,3	Пассек 1949. 102
179	Гарбузин	-	-	-	47	Археология 23.1970.125

Приложение 1 (продолжение)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
180	Георге-Георгиу-Деж*	Ла Четэцуе				Monah,Cucoş 1985 N 441
181	Городище I	Городище				Гусев 1995 N 11
182	Городника /п.Д.	Городника				Виноградова 1983. N 45
183	Городника п.З.	Городника				Виноградова 1983. N 46
184	Гривица	Дл. Пискулуй				Monah,Cucoş 1985.N 477
185	Гура Кэинарь			5/ 165		Сорокин 1991. 43
186	Дрэгушень	Мовила С.	?	1/		Crîşmaru 1987. 106
187	Дрэгушень Окоале	-	-	1/		"Hierasus" 1. 1974.161
188	Дрэгушень*	Остров	+			Crîşmaru 1987.17
189	Екимауць I.	Ла Четэцуе	?			Маркевич 1973. N 252
190	Захорень*	Пе Холм				Monah,Cucoş 1985.N1145
191	Клищев	-	-	19/185	20	Заец, Рыжов 1992.139
192	Коломийщина II	-	-	0/	16	Пассек 1949. 55
193	Комаров-Крин.I	-	?	1/		АП УРСР IV.1952.190
194	Кривешть	Холм				-"- N 295
195	Кукутень*	Четэцуя	+		11,6	-"- N 303
196	Кымпень	Ла Холм				-"- N 234
197	Лисичники*	Горб	?	-		АО (1974) 1975. 319
198	Мирополье	-	-	3/141	37,5	Коробкова 1987. 271
199	Мовилень	Мовила С.				-"- N 682
200	Мындрешть	-	+			Monah,Cucoş 1985.N 669
201	Мэрджинень*	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985. N 639
202	Незвиско*	-		5/		МИА 102.1962. 53
203	Немиров	Городище				Гусев 1995 N 39
204	Нэнешть*	Горган				-"- N 696
205	Подурь*	-	?			-"- N 794
206	Покряка*	Четэцуя	+			Monah,Cucoş 1985.N783
207	Поливанов Яр*	-	+	5/129		Пассек 1961.105
208	Преутешть*	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985.N 823
209	Пятра Шоймулуй*	Хородиштя	+			Monah,Cucoş 1985.N768
210	Раковэц	-	-	4/ 329		Коробкова 1987.272
211	Рафаилэ*	Ла Шанцурь	?			Chihodaru 1934.4
212	Слободзия*	Четэцуя				Monah,Cucoş 1985. N 944
213	Солончень II*	-	?	7/	41,8	ЗООА 1(34) .231
214	Суслень I	-		1/		АИМ (1977-78).1982. 190
215	Траян — Дялуп Фынтынилор	-	+	27/520	41,5	Paunescu 1970.188
216	Тырпешть*	-	+			Monah,Cucoş 1985. N 1028
217	Хэнешть	Ла Мовилица				Monah,Cucoş 1985.N 499
218	Цигэнешть*	Четэцуя	?	1/		Arh.Moldovei.6.1969.256
219	Шипка II	-	-	1/		Маркевич 1973.123
220	Шкаровка	-	-	-	35,7	Археология.4.1998.140
221	Щербанивка	Б.Гора				Колесников 1993. N 3
222	Яблona I	-	-	52/1445	31,6	Sorokin 1991a. 401
223	Яблona XIII	-	-	2/		АИМ (1973) 1977. 46
224	Яблona XV	-	-	9/ 123		Сорокин 1991. 92
	ВСЕГО- 56	27	+ - 8 ? - 11	165/ с 23 пам- ков	11/ 29,8	

Приложение 1 (продолжение)

КУКУТЕНЬ В — ТРИПОЛЬЕ С1						
225	Безрадници Ст.	-	-	0/	52,9	Круц 1998.141
226	Бодаки	Гора Бук.		0/103		ЗОАО 2(35) 1967. 175
227	Бодешть-Фрумушика*	Четэцуе	+			Monah,Cucoş 1985 N 121
228	Борлешть*	Капул Дял	?			"- N 134
229	Боурень*	Мэгура К.				"- N 152
230	Брынзень IV*	-	?	4/	27	Маркевич 1981.14
231	Брынзень VIII	-			18,7	Сорокин 1991. 121
232	Брэтулень	Дл. Холм				"- N 164
233	Будень	-	-	2/		Suceava. 5. 1978. 142
234	Валя Сосий	-	?			"- N 1097
235	Варваровка VIII.	-	-	-/		Маркевич 1981.22
236	Варваровка XV			-/		Маркевич 1981. 26
237	Вермешть Мостакан		?			"- N 1119
238	Вермешть*	Четэцуя	?			Monah,Cucoş 1985.N1116
239	Вермешть*	Пискул Ч.				"- N 1118
240	Ворошилровка	Мисто		15/568	43,3	Гусев 1993.
241	Взлень*	Четэцуя	?	-/		Cucoş 1999. 63
242	Гарбузин	-	-	0/40	47	Коробкова 1987.274
243	Гелэешть, Нед.*	Коада Писк.		8/	14,2	Cucoş 1999. 63
244	Георге-Георгиу-Деж*	Ла Четэцуе				Monah,Cucoş 1985. N 441
245	Городиште 2	Городище				Гусев 1995. N 12
246	Городницэ*	Городище	?			Кравець.1954. 49
247	Добошень*	Коада Дялулуй	?			"- N 343
248	Дрэгушень	Четэцуе	?	2/		Dacia 3-4.1927-1932.115
249	Ербичень	Пе Писк				Monah,Cucoş 1985.N 397
250	Заподия	Ла Мовила				"- N 1148
251	Захорень*	Пе Холм				Monah,Cucoş 1985.N 1145
252	Кирилловка	-	-	1/		Гудкова и др. 1991. Рис.3
253	Коломийщина I	-	-	3/	11,8	Пассек 1949. 145
254	Коржеуць I	Стынка Г.	?			Маркевич 1973. N 16
255	Кременчуг III		?			"-N 163
256	Кубань I	Стынка Г.	?			"- N 84
257	Кукутень В.*	Четэцуя	+		22,5	Monah,Cucoş 1985. N 303
258	Кунисовцы	-	-	-	26,7	Археологія.4.1998.141
259	Куриливка	-	?	1/144		Гусев 1995. N 5
260	Кырничень	Пе Холм				Monah,Cucoş 1985 .N 241
261	Лец*	Дл.Четэций	?			Monah,Cucoş 1985.N 589
262	Лисогирка	Л.Гора	?			Гусев 1995. N 6
263	Майданецкое	-	-	3/		Археологія .60. 1987.62
264	Мерешовка *	Четэцуе	+	-	42,3	АИМ (1979-80) 1983.102
265	Миоркань*	Замка	?			"- N 656
266	Миток*	Ла Киск				"- N 663
267	Миховень	-	?			Monah,Cucoş 1985.N 647
268	Мунчелу	Четэцуя	+			"- N 689
269	Мэрджинень*	Четэцуя		4/		Cucoş 1999. 63
270	Негрешть	Четэцуя	?			"- N 699
271	Негрешть Илисень	Мэгура Ил.				"- N 700
272	Незвиско	Червона Гора	?			Круц,Рыжов 1997. 25
273	Немиров	-	-		37,5	Гусев 1995. 169

Приложение 1 (продолжение)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост. дик. животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
274	Нэнешть*	Горган				-"- N 696
275	Перкю*	Мэгура	?			Monah,Cucos 1985.N 760
276	Поглец	Ла Четэцуе				-"- N 795
277	Подурь*	-	?			-"- N 794
278	Преутешть*	Четэцуя				-"- N 823
279	Прохозешть, тел.	-	?			-"- N 829
280	Пятра Шоймулуй*	Хородиштя	+			-"- N 768
281	Пятра Шоймулуй*	Пе Горган				-"- N 769
282	Русень*	Ла Стынчь				-"- N 898
283	Рэдэшень*	Четэцуя	+			-"- N 846
284	Рэзбоень	Четэцуя				-"- N 866
285	Сирет	Хород/Замк				-"- N 932
286	Слобозия	Ла Подяк	+			-"- N 943
287	Солка	Стынка				-"- N 973
288	Солка	Стынка Дялулуй				-"- N 974
289	Сорока-Яз	-	?	0/83		Коробкова 1987. 273
290	Сосны		?	0/17	16,7	Гусев 1995. 169
291	Стина	-	-	-	36,8	Археология.4.1998.141
292	Стрэоане	Четэцуя				Monah,Cucos 1985 .N 977
293	Сускивка	-	-	-	15	Археология.4.1998.141
294	Сухостав	-	-	-	12,5	Археология.4.1998.141
295	Сучава*	К.Шанцурь				-"- N 983
296	Сэрата-Монтеору*	Четэцуя	+			-"- N 910
297	Тальянки	-	-	-	3,1	Археология.4.1998.141
298	Торкив	-	?			Гусев 1995. N 62
299	Тринка	Ла Шанцурь	+			Левицкий О.Г.-раскопки 1999 г.
300	Трушешть*	Tugueta	+			Monah,Cucos 1985.N 1046
301	Тыргу Окна	Подей	?	23(+70)		Arh. Moldovei.2-3. 1964.22
302	Тырпешть*	-	+			Monah,Cucos 1985 N 1028
303	ФлорештьV	-	-	10990		АИМ (1986) 1992 . 58
304	Хлипичень	Ла Мовила				-"- N 522
305	Хэнешть	Ла Мовилица				Monah,Cucos 1985.N 499
306	Цибукань	Четэцуя Б.				-"- N 1064
307	Цигэнешть*	Четэцуя				-"- N 1073
308	Чапаевка	-	-	31107	83	Круц 1977.64
309	Чернат*	Дымбул Б.	+			Laszlo 1993 N 2.5
310	Чечельник	-	-	1/		Полевой Семинар -1.200
311	Чечеркозивка	-	-	-	13,3	Археология.4.1998.141
312	Шуры I	-	-	43101		АИМ (1984)1989. 50
	ВСЕГО-88	56	+ - 12 ? - 26	73/с 23 пам-ков	18/ 29,1%	

Приложение 1 (продолжение)

ХОРОДИШТЕ-ФОЛТЕШТЬ-ТРИПОЛЬЕ С2						
313	Белиловка*	Скала	?			Шмаглий 1960. 306
314	Бильче-Злоте*	Pescer.Vert.	+			"-. 302
315	Бобрик	-	?			"-
316	Богдановка	Гард				"- N 195
317	Брынзень В349III	-	+	9/ 942	25,3	Маркевич 1981. 34
318	Брынзень VI	Стынка	?	-		Дергачев 1980.N 17в
319	Быстрик	Гора				"- N 276
320	Варатик III	Холм				"- N 246
321	Вертюжень IV	-	?			"- N 121
322	Волошское	Горбы	?			"- N 106b
323	Волчинец	Клин				"- N 109
324	Ворвулицы*	Гора				АИУ (1968) 1969. 132
325	Голодьки	-	?			Шмаглий 1960. 302
326	Голышев*	Замчище				АО (1973) 1974. 326
327	Городиштя II*	Городище	+			Маркевич 1973. N 251
328	Городищевка	Городищевка				Дергачев 1980. N 285
329	Городск II*	Черв. Гора	+	19419	37,5	ТК 1.1940. 339. 383
330	Городск III	Городище				Дергачев 1980.N 263b
331	Гоща*	Городище	+			КСИИМК 72.1958. 84
332	Гусятин	Фонд. Гора				"- N 87
333	Дарабаны II	Горб				Дергачев 1980.N 89b
334	Деревичи*	Замчиско	+			Шмаглий 1960. 304
335	Деревичи*	Горб	?			"-
336	Дуруитоаря V. II		?			Дергачев 1980. N 25.
337	Евминка I	-	-	2/	51,1	Круц 1977. 106
338	Ербичень	Пе Писк				"- N 39а
339	Жванец	Щовб	+		55,9	КСИА 123. 1970. 84
340	Жванец	Лыс. Гора	+		41,5	Полевой Семинар -1. 136
341	Житомир	Сок. Гора				Дергачев 1980.N 266
342	Жорнов*	Замчиско	+	-		"-N 215
343	Казаровичи I	-	+			Круц 1977.111
344	Каленське	Моства				"-
345	Карабчиево	-	?			"-
346	Каракушений Век III*	Риф	?			"- N 8а
347	Кетрошика		?			"- N 22
348	Китай-Город	Город				Дергачев 1980. N 95
349	Колодязное*	Ивас. Гора	?			Шмаглий 1960. 304
350	Коржеуць	Стынка Г.				"- N 10
351	Коробчеев	Замчище	+			Дергачев 1980. N 287
352	Косиливцы*	Товдры	?			Шмаглий 1960. 306
353	Костешть IV	Стынка Ч.	+	(5+)	47,5	Маркевич 1981.42
354	Кременчуг I*	Каска	+			Маркевич 1973. N 160
355	Кристинешть	Дялул Мукьос				Дергачев 1980.N 31а
356	Кубань	Стынка	?	-		МИ АЭ МССР.81
357	Кукутень В.*	Четэцзя	+			"- N 37
358	Лисичники*	Замчище				АИУ (1968) 1969. 132
359	Листвин*	Гострый Горб	?	(3)		АО (1975)1976. 376
360	Лозы*	Городище	+			Археология.11. 1973.55
361	Лозы*	Зимно				Дергачев 1980.N 231b
362	Ломачинцы	Плита	+			Дергачев 1980.N 104

Приложение 1 (окончание)

№/№	Памятники	Топонимы (значимые)	Фортификации	Накопленные стрел	Кост диких животных в%	Литература
1	2	3	4	5	6	7
363	Лопатник*	Остров	?			-"- N 14
364	М. Дорогостай*	-		1/825		Полевой семинар -1. 208
365	Маяки	-	+	2/	11,6	Збенович 1974. 22
366	Мерешовка*	Четэцуе	+	(2)/		АИМ (1981) 1985.58
367	Мирополь Новый*	Городище	+			Дергачев 1980.N 245
368	Мирополь Старый	Городище				-"- N244
369	Миток*	Ла Стынка	?			-"- N 32
370	Низгурцы Великие	Треугольник				-"- N 278
371	Ново-Чарторыя	Горбовица	?			АП УРСР. 6. 1956. 130
372	Ожево	-	?			Дергачев 1980.N 105
373	Паволочь	-	+	2/	41,4	АП УРСР. 4. 1952. 96
374	Перерыта*	Замка				Дергачев 1980.N 11
375	Печора*	Замчище	?	(2)/		АСГЭ. 1. 1959. 196
376	Пидгорцы I	-	-	0/	42,4	Круц 1998. 141
377	Пидгорцы II	-	-	0/	18,8	Круц 1998. 141
378	Поливанов Яр*	-	+			Дергачев 1980.N 102
379	Привитов	-	?			Шмаглий 1960. 304
380	Райки	Круг. Гора				Дергачев 1980.N 272
381	Рудни	Городище	?			Шмаглий 1960. 302
382	Сандраки*	Пагубок	+	34060	52,6	АП УРСР. 6.1956. 118
383	Слободище	Дурч.Гора	?			Шмаглий 1960. 302
384	Слободище	Скала	?			-"-
385	Сокол	Щовб	?			Дергачев 1980.N 91
386	Солончень II*	-	?			КСИА 105. 1965.98
387	Солончень III	-	?			Маркевич 1973.N 272
388	Стина	Стина				Дергачев 1980.N 115
389	Стойкань*	Четэцуе	+			-"- N 49
390	Сырец	-	-	0/	20,8	Круц 1998. 141
391	Троянов	Орех.Гора	?			-"- 302
392	Усатово В.К.	-	-	9/341	8,9	Збенович 1974.115
393	Ушица Старая*	Городище	?			Дергачев 1980.N 100
394	Фолтешть	Руптура	+	1/	42,9	Дасіа 18.1974.19
395	Хординешть I	-	-	1/		Маркевич 1973. 63
396	Хординешть II	Стынка Гоалэ	+	-		АИМ (1970-71) 1973.90
397	Хородиште*	Хородиште	+			Дергачев 1980.N 30
398	Хэбэшешть*	Холм	+			-"- N 38
399	Цвикловцы	Гряда	?	2/		Археология. 23 1970. 133
400	Швайковка	-	?			Шмаглий 1960. 304
401	Ягнятин	Замчище	+	1/.		Шмаглий 1960. 302
	ВСЕГО- 89	66	+ - 28 ? - 31	49/с 19 пам-ов	15/ 35,7 %	

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В.С. 1975. К вопросу о системе основных археологических понятий. // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. С. 34-42.
- Бунятян Е.П. 1985. Методика социальных реконструкций в археологии. На материале скифских могильников IV-III вв. до н.э. Киев.
- Бурдо Н.Б., Відейко М.Ю. 1998. Основи хронології Трипілья-Кукутені. // Археологія. 2. С. 17-29.
- Бурдо Н.Б., Станко В.Н. 1981. Энеолитические находки на стоянке Мирное. // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 17-22.
- Виноградова Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев.
- Гудкова А.В. и др. = Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1991. Археологические памятники Одесской области (Справочник). Одесса.
- Гусев С.О. 1995. Трипільська культура Среднего Побужья рубежу IV-III тыс. до н.э. Вінниця.
- Даниленко В.М., Шмаглій М.М. 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. // Археологія. 6. С. 3-20.
- Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.
- Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья (Опыт систематизации). Кишинев.
- Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
- Дергачев В.А., 1989. Молдавия и соседние территории в эпоху энеолита-бронзы. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (рукопись). Л.
- Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья. К проблеме взаимодействия древних обществ Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы. // Stratum Plus. №2. Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса. С. 169-221.
- Дергачев В.А., Сорокин В.Я. 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли. // Известия Академии наук МССР. Серия Общественных наук. 1. Кишинев. С. 54-65.
- Заец И.И., Рыжов С.Н. 1992. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев.
- Збеневич В.Г. 1973. Энеоліт Північно-Західного Причорномор'я. // Матеріали з антропології України. 7. Київ. С. 71-80.
- Збеневич В.Г. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Збеневич В.Г. 1975. Оборонні споруди та зброя у племен трипільської культури. Археологія. 15. С. 32-40.
- Збеневич В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
- Збеневич В.Г., Шумова В.А. 1989. Трипольская культура Среднего Поднестровья в свете новых исследований. // Первобытная археология. Киев. С. 97-106
- Зирра В. 1960. Культура погребений с охрой в Закарпатских областях РНР. // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. С. 97-127.
- Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. 1975. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). Москва.
- Клейн Л.С. 1975. К разработке процедуры археологического исследования. // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л. С. 42-44.
- Клейн Л.С. 1978. Археологические источники. Л.
- Клейн Л.С. 1991. Археологическая типология. СПб.
- Клейн Л.С., 1993. Феномен советской археологии. ФАРН. СПб.
- Клейн Л.С., 1995. Археологические источники. Издание 2-е. ФАРН. СПб.
- Колесников А.Г. 1993. Трипольское общество Среднего Поднестровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. Киев.
- Коробкова Г.Ф. 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л.
- Кравець В.П. 1954. Ранньотрипільське поселення в Городниці на Дністрі. // Матеріали і дослідження по археології УРСР. 2. Київ. С. 49-66
- Круц В.А. 1977. Позднетрипольские памятники Среднего Поднестровья. Киев.
- Круц В.А. 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днестра. // Первобытная археология. Киев. С. 117-132.
- Круц В.О. 1998. Роль тваринництва в економіці Трипільської культури. // Археологія. 4. С. 134-143.
- Круц В.О., Рижов С.М. 1997. Верхньодніпровська локальна група пам'яток трипільської культури та нові дані про зв'язки трипільців з населенням полгарської і лендельської культур. // Археологія. С. 23-51.
- Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта МССР. 2. Кишинев.
- Маркевич В.И. 1974. Исследования молдавской неолитической экспедиции. // АИМ. 1972 (1974). С. 26-51.
- Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
- Массон В.М., Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. // Энеолит СССР. М. С. 165-320.
- Мерперт Н.Я. 1965. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. // КСИА. 105. С. 10-20.
- Мерперт Н.Я. 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я. 1980. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций. // Studia Praehistorica. 3. София. С. 65-90.
- Мерперт Н.Я. 1982. Энеолит юга СССР и Евразийские степи. // Энеолит СССР. М. С. 322-331.
- Мерперт Н.Я. 1984. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. М. С. 244-264.
- Мовша Т.Г. 1981. Проблемы связей Триполья-Кукутены с племенами культур степного ареала. // Studia Praehistorica. 5-6. София. С. 61-72.
- Мовша Т.Г. 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту-ранньобронзового віку. // Археологія. 3. С. 36-51.
- Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст.Кайнары в Молдавии. // КСИА. 115. С. 45-49.

- Нечитайло А.Л. 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.
- Панайотов И. 1989. Ямната культура в Българските земи. // Разкопки и проучвания. XXI. София.
- Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений. МИА 10.
- Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. // МИА 84.
- Патокова Э.Ф. и др. 1989 — Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Рассамакин Ю.Я. 1993. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья. // The Fourth Millenium B.C. Proceedings of the International Symposium. Nessebur. 28-30 August 1992. Sofia 1993. 5-28.
- Рассамакин Ю.Я. 1997. In: Давня історія України. Т.1. Киев. 1997. 273-309.
- Рижов С.М. 1999. Кераміка поселень трипільської культури Буго-Дніпровського межиріччя як історичне джерело. Автореферат дисертації кандидата історичних наук. Київ.
- Рындина Н.В., Энгватова А.В. 1990. Опыт планиграфического анализа кремневых орудий трипольского поселения Друцы I. I-ый полевой семинар. Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине. Тальянки-Веселый Кут-Майданецкое. С. 108-114.
- Сорокин В. Я. 1991. Орудия труда и хозяйство среднего Триполья Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Сорокин В.Я., 1993. К проблеме генезиса культуры Кукутень. // Revista Arheologică. 1. Chişinău. P. 83-92.
- Субботин Л.В. 1983. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев. 1983.
- Тасић Н. 1983. Југословенско Подунавље од индоевропске сеобе до продора Скита. Нови Сад-Београд.
- Телегін Д.Я. 1985. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань степового Подніпров'я. // Археологія. 61. С. 17-30.
- Телегин Д.Я. 1990. Степное Поднепровье и Нижнее Подунавье в неолите-энеолите. // Каменный век на территории Украины. Киев. С. 6-17.
- Телегін Д.Я., 1993. Основні періоди історичного розвитку населення території України у V-першій половині IV тис. до н.е. // Археологія. 1. С. 15-23.
- Тодорова Х. 1979. Энеолит Болгарии. София Пресс.
- Тодорова Х. 1986. Каменно-меднота ероха в България. София.
- Шмаглий Н.М. 1960. О топографии поселений городско-усатовского типа. // ЗОАО. I (34). С. 302-308.
- Шмаглий Н.М., Видейко М.Ю. 1987. Раннетрипольское поселение Гребеннюков Яр у с. Майданецкое. // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев. С. 87-99.
- Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. 1970. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964-1966 гг.). // МАСП. 6. С. 5-129.
- Щукин М.Б. 1999. На рубеже эр. Санкт-Петербург.
- Bakker J. и др. 1999. — Bakker J., Kruk J., Lanting A., Milisauskas S. 1999. The earliest evidence of Wheeled vechicles in Europe and the Near East. Antiquiti. 73. № 282. 778-790.
- Bogataja L.K., Manzura I.V. 1994. Ost-West-Wechselbeziehungen im Spiegel der äneolithisch-frühbronzezeitlichen Kulturen des nordwestlichen Schwarzmeergebietes. ZfA Z.Archäol. 28. S. 63-86.
- Brukner B., Jovanović B., Tasić N. 1974. Praistorija Vojvodine. Novi Sad.
- Chihodaru C. 1934. Staţiunea eneolitică de la Rafaila. Vaslui.
- Ciugudean H. 1996. Epoca timpurie a bronzului în centrul şi sud-vestul Transilvaniei. Bibliotheca Thracologica. XIII. Bucureşti. 1996.
- Coman G. 1980. Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui. Bucureşti.
- Comşa E. 1987. Neoliticul pe teritoriul României — consideraţii. Bucureşti.
- Crişmaru A. 1987. Drăguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică. Botoşani.
- Cucoş Şt. 1999. Faza Cucuteni B în zona subcarpatică a Moldovei. Piatra Neamţ.
- Dergacev V. 1993. Modelés d'établissements de la culture de Tripolie. Préhistoire Européenne. 5. Liège. P. 101-118.
- Dergachev V. 1999. Cultural-Historical Dialogue between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic-Eneolithic). // Late Prehistorie Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the Symposium to be Held. 12-16 Januarie 2000. Vol.I. Cambridge. P. 54-67
- Dragomir I. 1996. Monografia arheologică a Moldovei de sud. Danubius XVI. Galaţi. 1996
- Dumitrescu V., Balomey A., Mogoşanu F. 1983. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. Bucureşti.
- Dumitrescu V., Vulpe A. 1988. Dacia înainte de Dromihete. Bucureşti.
- Ecsedy I., 1979. The People of the Pit-Grave kurgans in eastern Hungary. Budapest.
- Florescu A. 1966. Observaţii asupra sistemului de fortificare al asezărilor cucuteniene din Moldova. Arh. Moldovei. IV. 23-37.
- Garasanin M.V. 1971. Nomades des steppes et autochtones dans le Sud-Est européen a l'époque de transition du néolithique a l'âge du bronz. L'etnogenese des peuples Balkaniques. Sofia. P. 9-14.
- Garasanin M. 1974. Les rapports entre le sud-est Europeen et la Méditerranée orientale a l'époque préhistorique. Alesee III-e Congres International d'études du sud-est Europeen. Bucarest 4-10 septembre. Separatum.
- Gimbutas M. 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Buletin of the American School of Prehistorica Research. 20. Peabody Museum. Harvard University.
- Gimbutas M. 1961. Notes on the Chronology and Expansion of the Pit-grave Culture. L'Europe a la fin de l'âge de la pierre. Acte du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. Prague-Liblice-Brno 5-12 octobre 1959. Praha. P. 193-200.
- Gimbutas M. 1973 a. Old Europe c.7000-3500 B.C.: The Earliest European Civilisation Before the infiltration of the Indo-European Peoples. JIES. 1: 1. P. 1-20.
- Gimbutas M. 1973 b. The Beginning of the Bronze Age in Europa and the Indo-Europeans: 3500-2500 B.C. JIES. I:2. P. 163-214.
- Gimbutas M. 1977. The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe. JIES. 5:4. P. 277-338.
- Gimbutas M. 1979. The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500-2500 B.C. Archives suisses d'antropologie générale. 43:2. P. 113-137.
- Gimbutas M. 1994. Das Ende Alteuropas. Der Einfale von Steppennomaden aus Südrußland und die Indogermanisierung Mitteleuropas. Archaeolinqua Alapitvany. Budapest. S. 13-135.
- Hansen S. 1991. Studien zu den Metaldeponierungen Während der Urneufelderzeit im Rhein-Main Gebiet.

- Universtätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Band 5. Bonn.
- Hansen S. 1994. Studien zu den Metalldeponierungen Während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhonetal und Karpatenbecken. Universtätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. B.21. T.1-2. Bonn.
- Häusler A. 1981. Zu den Beziehungen zwischen dem nordpontischen Gebiet, Südost- und Mitteleuropa im Neolithikum und der frühen Bronzezeit und ihre Bedeutung für das indoeuropäische Problem. *Prezegljad Archeologiczny*. 29. Poznan. S. 101-149.
- Häusler A. 1982. Zum Problem des Vordringens früher Steppenelemente in Neolithikum Mittel- und Südosteuropas. *Thracia Praehistorica. Supplementum Pulpudeva*. 3. Sofia. S. 98-118.
- Häusler A. 1994. The North-Pontic Region and the Beginning of the Eneolithic in South-East and Central Europe. *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9-12 November 1992*. Napoli. P. 123-147.
- Häusler A. 1996. Invasionen aus nordpontischen Steppen nach Mitteleuropa im Neolithikum und in der Bronzezeit: Realität oder Phantasieprodukt? *Archäologische Informationen*. 19(1-2). S. 75-88.
- Hăbășești 1957. Hăbășești. Monografie arheologică. București. 1954.
- Kalicz N. 1968. Die Frühbronzezeit in Nordostungarn. *Archeologia Hungarica*. 45. Budapest.
- Kristiansen K. 1998. The Construction of a Bronze Age Landscape. *Cosmology, Economy and Social Organisation in the Northwestern Jutland. Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas*. Kiel. P. 281-291.
- Laszlo A. 1993. Așezări întarite ale culturii Ariusd-Cucuteni în sud-estul Transilvaniei. *Fortificarea așezării de la Malnas Bai. Arh. Moldovei*. XVI. București. P. 33-50.
- Levički O., Manzura I., Demcenco T. 1996. Necropola tumulară de la Sărăteni. *Bibliotheca Thracologica*. XVII. București. 1996.
- Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1993. Das Grab von Reka Devnja (Nordostbulgarien). Ein Beitrag zu den Beziehungen zwischen Nord- und Westpontikum in der frühen Kupferzeit. *Saarbrücker Studien und Materialien zur Altertumskunde*. 2. Bonn.
- Makkay J. 1994. Horses, Nomads and Invasions from the Steppe from an Indo-European Perspective. *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples, 9-12 November 1992*. Napoli. P. 149-165.
- Mantu C.-M. 1998. Cultura Cucuteni. *Evoluție, cronologie, legături*. Piatra-Neamț.
- Manzura I. 1993. The East-West interaction in the mirror of the eneolithic and early bronze cultures in the north-west Pontic. *Revista Arheologica*. 1. Chișinău. 1993. 23-53.
- Manzura I. 1994. Culturi eneolitice în zona de stepă. *Thraco-Dacica*. XV. 1-2. P. 93-101.
- Manzura I., Sava E. 1994. Interacțiuni «est-vest» reflectate în culturile eneolitice și ale epocii bronzului din zona de nord-vest a Mării Negre (Schită cultural-istorică). *Mem. Antiquitatis*. XIX. P. 143-192.
- Manzura I. 1999. Cernavoda I culture. In: *Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. BAR International Series*. 791, 95-174.
- Marinescu-Bîlcu S. 1974. *Cultura Precucuteni pe teritoriul României*. București. 1974.
- Marinescu-Bîlcu S. 1976. Tipurile de așezări și sistemele lor de fortificație în cuprinsul culturii Precucuteni. *Mem. Antiquitatis*. IV-V. 1972-1973. (1976). 55-65.
- Maxim-Alaiba R., Marin I. 1987-1989. Cercetări de suprafață în comuna Balteni județul Vaslui. *Acta Moldaviae Meridionalis*. 9-11. Vaslui. P. 222-245
- Mătasa C. 1946. *Frumușica*. București.
- Monah D. 1991. L'exploitation du sel dans les Carpates Orientales et ses papports avec la culture Cucuteni-Tripolye. // *Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte européen*. Iași. P. 387-401.
- Monah D., Cucuș Șt. 1985. Așezările culturii Cucuteni din România. Iași.
- Parzinger H. 1993. *Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jundstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittelern Taurus. Römisch-Germanische Forschungen*. T.1-2. B.52. Mainz am Rhein. 1993.
- Parzinger H. 1998. *Kulturverhältnisse in der eurasischen Steppe Während der Bronzezeit. Mensch und Umwelt in der Bronzezeit Europas*. Kiel. S. 457-479.
- Păunescu A. 1970. *Evoluția uneltelor și armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României*. București. 1970.
- Petrescu-Dîmbovița M., Daicovicu H., Teodoru D., Bîrzu L., Preda F. 1995. *Istoria României de la începuturi până în secolul al VII-lea*. București. 1995.
- Pipidi D.M., Berciu D. 1965. *Din istoria Dobrogei*. V.1. București.
- Rassamakin Ju.Ja. 1994. The main directions of the development of early pastoral societies of northern Pontic zone: 4500-2450. *Baltic-Pontic Studies*. 2. P. 29-70.
- Rassamakin Ju. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 B.C. In: *Levine M., Rassamakin Ju., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian Steppe*. Cambridge. P. 59-182.
- Renfrew C., Bahn P. 1993. *Archaeology. Theories, methods and practice*. Ltd. London. Reprinted 1993.
- Sorokine V.Ja. 1991. Outils de l'habitat tripolien Iablonia I. // *Le paléolithique et le néolithique de la Roumanie en contexte Européen*. Iași. P. 401-419.
- Sorokin V. 1997. Considerații referitoare la așezările fazei Cucuteni A-Tripolie B1 din Ucraina și Republica Moldova. *Mem. Antiquitatis*. XXI. P. 7-81.
- Tasič N. 1989. Prehistoric Migration movements in the Balkans. // *Migrations in Balkan History*. Beograd. P. 29-37.
- Tasič N. 1995. *Eneolithic Cultures of Central and West Balkans*. Beograd.
- Vulpe R. 1957. *Izvoare. Săpăturile din 1936-1948*. București.